

interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

2' 2020

Фото Анны Ивановой (из исследовательского архива А. Стрельниковой)

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2020. Том 12. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2020. Volume 12. No. 2

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2020. Том 12. № 2

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2020
© Interaction. Interview. Interpretation, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель центра, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), drobizheva@yandex.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiaarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Deputy Director of Science and Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), mfcche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Leocadia M. DROBIZHEVA — Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), drobizheva@yandex.ru

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Теоретические дискурсы и дискуссии	8
<i>Ксения Калашникова</i> Концепция аутентичности Ш. Зукин: «шизоидная» категория в исследованиях города	8
Полевые исследования	29
<i>Виктор Синицын</i> О чем помнит город? Мемориальный ландшафт малого города (на примере Белозерска)	29
<i>Наталья Малкова</i> Ускользающая ритуальность городского праздника (на примере Дня амурского тигра)	49
Исследовательская рефлексия	65
<i>Анна Стрельникова, Анастасия Бурова</i> Геолокация в исследовательских целях: геометки как источник данных	65
Рецензии и обзоры	81
<i>Елизавета Полухина</i> «Чувство неравенства»: что такое субъективное неравенство и как его изучать	81

Contents

Editor’s letter	7
Theoretical discourses and debates	8
<i>Kseniia Kalashnikova</i>	
The Authenticity Concept of Sh. Zukin: “Schizoid” Category in Urban Studies	8
Field work research	29
<i>Viktor Sinitsyn</i>	
What Does the City Remember? Memorial Landscape of the Small Town (the Case of Belozyorsk)	29
<i>Natalya Malkova</i>	
How the Ritual of a City Holiday is changing: the Case of the Amur Tiger Day	49
Research Reflection	65
<i>Anna Strelnikova, Anastasiia Burova</i>	
Geolocation for Research Purposes: Geotags as a Data Source	65
Reviews	81
<i>Elizaveta Polukhina</i>	
“A Sense of Inequality”: What Does the Subjective Inequality Mean and How to Study It ...	81

Письмо редактора

Уже становится традицией, что летний номер журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация» фокусируется на городской тематике. В данном номере представлена теоретическая работа о концепции аутентичности, статьи, написанные по итогам полевых исследований в двух российских городах, а также рефлексивные заметки по поводу геолокационных данных. Читатель июньского номера узнает, какой ритуал лежит в основе Дня амурского тигра во Владивостоке и что с этим ритуалом происходит в настоящее время, о чем помнит малый город в Вологодской области, нужен ли городским исследователям еще один метафорический концепт и как использовать возможности геолокационных данных.

В текущем номере также представлена подробная рецензия на актуальную книгу Венди Боттеро «Чувство неравенства» (“A Sense of Inequality”, 2019). Автор рецензии, Елизавета Полухина, рассуждает о применимости эмоционально-ориентированного подхода к концептуализации социального неравенства. Елизавета соглашается с В. Боттеро в том, что субъективное неравенство можно трактовать как специфическое чувство индивидов, возникающее во множестве повседневных неправомерных социальных отношений. Эта трактовка и стоящий за ней набор идей применимы к широкому спектру городских исследований.

В заключение отмечу, что есть исследователи, которые с азартом погружаются в поле, но практически не оставляют времени на тексты по итогам своих проектов. И вот этой весной, кажется, для всех время перераспределилось в пользу кабинетной работы. Во всяком случае, один из авторов номера, Виктор Синицын, за время полевой «паузы» доработал давно написанную статью по итогам экспедиции в г. Белозерск. Из его статьи читатели узнают о том, как формируется и из чего состоит мемориальный ландшафт малого города. Надеемся, что многим нашим авторам и читателям период самоизоляции и вынужденное превращение в кабинетных ученых также помогли превратить массивы полевых данных в интереснейшие публикации.

Желаем приятного и продуктивного чтения!

А. Стрельникова,
ответственный редактор номера

Теоретические дискурсы и дискуссии

Концепция аутентичности Ш. Зукин: «шизоидная» категория в исследованиях города¹

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.1

Ссылка для цитирования:

Калашникова К. Н. Концепция аутентичности Ш. Зукин: «шизоидная» категория в исследованиях города // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 2. С. 8–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.1>

For citation:

Kalashnikova K. N. (2020) The Authenticity Concept of Sh. Zukin: “Schizoid” Category in Urban Studies. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 8–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.1>

Ксения Калашникова*

Статья посвящена концепции аутентичности, изложенной Шарон Зукин в книге «Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств» и вызвавшей большой интерес урбанистов. Концепция аутентичности базируется на идеях, которые берут свое начало в ранних работах Зукин (специфика процесса джентрификации; властные отношения, формирующие городской ландшафт; символическая экономика и влияние социокультурных особенностей города или района). В статье разбираются основные сюжеты, затрагиваемые в этих работах, а также проявления аутентичности на примере необщих и общих городских пространств. Автор прослеживает векторы развития ключевых идей Ш. Зукин, их трактовок, а также обсуждает попытки эмпирической реализации этих идей в конкретных исследованиях. В статье делается вывод о разнообразии

¹ Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ, департамент социологии факультета социальных наук, на основе данных, полученных в период стажировки.

* Калашникова Ксения — младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; ассистент кафедры общей социологии, Новосибирский государственный университет, k.kalashnikova@g.nsu.ru.

определений аутентичности, предложенных исследователями, и о трудностях применения концепции аутентичности в качестве инструмента анализа городских феноменов.

Ключевые слова: аутентичность; городское пространство; Зукин; джентрификация; «душа города»

Идея взаимосвязи власти, культуры, капитала и медиа не нова для городских исследований. В данной статье мы рассмотрим, как эта идея развивалась в работах Шарон Зукин — автора бестселлеров о городских культурах и трансформациях городской жизни — и как данная идея легла в основу концепции аутентичности.

В работах Ш. Зукин личный опыт переплетается с исследовательскими инсайтами. В одной из своих первых монографий «Жизнь в лофте: культура и капитал в городской трансформации» (“Loft Living: Culture and Capital in Urban Change”), посвященной джентрификации района Сохо в Нью-Йорке, Зукин указывает, что она сама жила в лофте — большом открытом пространстве в бывшем индустриальном здании или складском помещении (Zukin, 1982). Это и стало стартовой точкой для ее исследовательского интереса о том, как в заброшенных индустриальных пространствах создавалась богемная аура, которая затем привлекла новых жителей из обеспеченного класса, превращая район в престижное место проживания с дорогими магазинами и бизнес-центрами.

Неформальный, личностный взгляд на объект изучения органично дополняется неформальным понятийным аппаратом, которым исследовательница оперирует так же свободно, как художники кистью, придавая ключевым словам метафорический ускользящий смысл. Так, в «Ландшафтах власти» (“Landscapes of Power”) Ш. Зукин рассматривает трансформацию американских городов (Zukin, 1991; Orum, 2010), противопоставляя рынок и место. В данном случае рынок — это «свободное движение и объективное суждение», буквально место и при этом символический порог «социально сконструированного пространства» и «культурного лимита», также он удовлетворяет «запросы американской морали, жаждущей особого вида социального равенства» (Зукин, 2009: 2). А место, в свою очередь, — это и точка на карте, и форма «местного общества со своей экономической географией», и «культурный артефакт социального конфликта и согласия» (Там же: 4). Ш. Зукин утверждает, что рынок «оторвался» от места и, более того, стал доминировать над местом (Zukin, 1991: 5–11). Это выражается в том, что города стали производить абстрактные продукты — ценные бумаги, туристические впечатления и медиапродукты (Тыканова, 2016). Тем самым они из мест промышленного производства трансформировались в места производства символов: рекламы, дизайна, искусства, визуальных образов, подталкивающих людей к потреблению культурных продуктов. Произошел сдвиг от первостепенной важности промышленного капитала в сторону культурного.

В работе «Культуры городов» эта мысль получила дальнейшее развитие. Ш. Зукин акцентировала внимание на культуре в процессе развития города и символической экономике как индустрии, производящей символы и пространства. С 1970-х годов изменяются масштабы символической экономики и ее роли, наблюдаются слияние продукта и образа, мировой охват визуального рынка и существенная роль символической экономики в формировании образа города (Зукин, 2015: 25). Символическая экономика производится культурной сферой и связана с городской идентичностью. Исследовательница выделяет три направления изменения культурной идентичности, которые тем или иным образом выражаются в неравенстве:

1. От локальной образности к глобальной. Когда локальные особенности места стираются, коммодифицируются и распространение получают крупные сети магазинов и ресторанов, которые приходят на смену мелким местным лавкам. Особенно остро проблема стоит в случае, если на государственном уровне эти местные торговцы не получают защиту. В условиях США, когда аренда недвижимости, в том числе коммерческой, практически повсеместна, повышение арендной платы — это инструмент вытеснения мелких торговцев.

2. От общественного администрирования к частному. Это направление характеризуется все большей коммерциализацией общественных пространств, когда частные владельцы присваивают себе, например, парки. В таких пространствах нарушен принцип общедоступности: и символически, и физически неудобных стремятся вытеснить.

3. От этнически однородных сообществ к гетерогенным. Это направление описывает, как районы, отличающиеся этнической однородностью, становятся все более привлекательными для образованных молодых людей с самым разным происхождением, которые могут себе позволить жить там. И их видение города становится преобладающим.

Эти наработки в дальнейшем получили свое развитие в концепции аутентичности.

Основы концепции аутентичности

Идеи неравенств, подкрепляемых культурой, и нестабильных идентичностей развернулись на страницах книги «Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств» (“Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places”) (Зукин, 2019). Эта книга погружает читателя в пестрые пейзажи Нью-Йорка и ведет по его уютным улицам. Автор сравнивает свой текст с детективом, преследующим преступника, и сходство действительно присутствует. Ш. Зукин с вниманием к деталям и глубоким пониманием изучаемого объекта препарирует «хореографию» улиц, заглядывает в историю мест, открывает перед читателем двери ресторанчиков и рейв-вечеринок, вглядывается в лица прохожих и завсегдаев фермерских рынков, анализируя при этом показатели арендной платы и нюансы

законодательства. Эти «следственные мероприятия» призваны исследовать «аутентичность».

Аутентичность, на мой взгляд, стала тем концептуальным инструментом, который использует Ш. Зукин, чтобы отойти от джентрификации, которая была обозначена в книге «Жизнь в лофте». Изучая книги Ш. Зукин, периодически ловишь себя на мысли: «я уже про это читала». Действительно, сюжеты в разных работах во многом схожи: недорогая арендная плата привлекает творческую интеллигенцию, она создает своим присутствием богемную ауру, богемная аура становится дорогим товаром и арендная плата взлетает, творческая интеллигенция и местные жители не могут больше себе позволить жить в этом месте и переезжают. Но Ш. Зукин рассматривает эти сюжеты немного под разными углами, применяя различные концепции. По ее мнению, процессы, стоящие за этими изменениями, выходят за рамки термина «джентрификация», а неравенство выражается не только в экономических категориях. Однако, несмотря на то, что она всячески стремится показать, что джентрификация — это далеко не всеобъемлющий термин для происходящих в Нью-Йорке изменений, именно на этот термин ссылается большая часть исследователей, упоминая «Обнаженный город» (см., например: Alkon, Cadji, 2020; Chen, Yang, 2018; Corrêa, 2018; Koch, 2015; Kwon et al., 2017; Manzo, 2012; Morgner, 2019; Naegler, 2018; Squire et al., 2013; Williams, Needham, 2016; Zaban, 2017; Zwiers et al., 2017)².

На мой взгляд, ход рассуждений Ш. Зукин — это пример того, как удивительным образом могут сочетаться, с одной стороны, стремление однозначно обосновать довольно дискуссионные моменты и, с другой стороны, использование специфических терминов, которые при описании каждого нового случая наделяются новыми чертами. В «Культурах городов» Ш. Зукин делает акцент на символической экономике как катализаторе изменений, в «Обнаженном городе» — на аутентичности, категории, рассмотрение которой предполагает также изучение вкусов потребителей, медиа и проявлений власти государства. Но нельзя сказать, что до Зукин об аутентичности никто не говорил. Этот термин имеет давнюю историю. Первоначально аутентичность — это «подлинное», противоположное подделке, а также свойство «автора», «творца» (Давыдов, 2006: 94). В психологии аутентичность личности — это характеристика, подразумевающая отсутствие притворства, когда «самость» человека и его внешние проявления не находятся в конфликте. Философская трактовка термина делает акцент на экзистенциальных аспектах личности, на полноценности опыта вовлечения индивида в окружающий его мир (Соловьева, 2009: 138).

В социальных науках наиболее ярко выделяются два направления рассмотрения аутентичности — объективистское и конструктивистское (Hoffberg, 2011; Jones, 2010; Wesener, 2016). Объективистское предполагает, что аутентичность — это характеристика места, предмета или действия, которая

² Ресурс Web of Science на 22 апреля 2020 года выдает 627 источников, ссылающихся на «Обнаженный город». Большая их часть (345) — из США, Англии и Канады.

реально существует и которая выражается, например, в использовании авторской технологии или манеры исполнения. Конструктивистское же утверждает, что эти параметры на самом деле социально сконструированы и, соответственно, сама аутентичность — предмет договоренностей и, возможно, манипуляций.

Ш. Зукин, по-видимому, оперирует и тем, и другим способом рассмотрения в своей работе, а также дополняет их авторскими трактовками. В предисловии к книге обозначены несколько важных идей. Первая — идея неоднозначности понятия «аутентичность». Ш. Зукин пишет, что «понятие мигрировало со свойства людей на свойства вещей, а совсем недавно — на качество полученного опыта» (Зукин, 2019: 21). Вторая — идея аутентичности как инструмента власти, когда определенная социальная группа, объявляя место «аутентичным», предъявляет, по сути, свои права на трактовку того, «как должно быть», что зачастую приводит к выселению старожилов, не вписывающихся в эту трактовку. Третья — идея растущего влияния вкусов потребителей и СМИ, подкрепляемых капиталом, на трансформационные процессы в крупных городах. Это влияние ведет к росту спроса на «настоящую» городскую жизнь, противоположную скучным бетонным небоскрегам и наполненную творческой энергией и «очаровательными шероховатостями». Однако этот спрос приводит к тому, что города по всему миру становятся похожими, и то, что должно было подчеркивать их индивидуальность и своеобразие, становится причиной стирания различий, утраты «души». Для того, чтобы понять, как именно произошла «потеря души» и есть ли перспективные точки развития, необходимо ответить на вопросы, «что мы уже потеряли, как мы это потеряли и какая альтернативная форма собственности могла бы все это сохранить» (Зукин, 2019: 54). Иначе мы «рискуем разрушить и те аутентичные городские пространства, которые еще остались» (Там же).

Аутентичность «необщих» городских пространств

Ш. Зукин рассматривает аутентичность как ресурс давления и власти, оказывающий видимое влияние на города. Термин «аутентичность» используется ею как культурный ответ на происходящие экономические изменения³. Она последовательно рассматривает знаковые для Нью-Йорка районы и места, развивая идею аутентичности.

Бруклин — один из таких районов, изменения, произошедшие с ним довольно показательны. Он «стал крутым». Этот район с иммигрантским, «мрачным» индустриальным прошлым начал трансформироваться с приходом в район творческой интеллигенции при параллельном спаде промышленного производства. Художники, музыканты, писатели, графические дизайнеры, производители дизайнерской мебели постепенно заменили собой население,

³ Zukin. Sh. The naked city. Запись выступления Ш. Зукин 17 января 2011 в Лондоне. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=оJ6aymGN2Vo&t> (дата обращения: 15.05.2020).

состоявшее из мигрантов и простых рабочих. Привлекала новых жителей не только эстетика, но и более приземленная причина — низкая арендная плата. Их появление привело к калейдоскопу нововведений, которые навсегда изменили Бруклин:

- “DIY” (Do it yourself) вечеринки «Рубулад», которые зародились в 1990-е в кругу музыкантов и хипстеров.
- Мероприятие «Организм», которое журнал Newsweek назвал «следующей стадией рейва» (Зукин, 2019: 79).
- Концертная площадка и бар «Галапагосы», открытые на бывшем заводе.
- Арт-галерея LedisFlam.
- Новые заведения, предлагающие азиатскую экзотику и шик блошиного рынка (Зукин, 2019: 80).
- «Бруклинская пивоварня», производящая крафтовое пиво.
- Компания «уличной моды» Brooklin Industries.
- И многие другие.

Ш. Зукин показывает, что особую роль в популяризации новой аутентичности Бруклина сыграли СМИ. Причем формат СМИ крайне разнообразен: это и издания для туристов, и блоги ресторанных критиков, и другие издания. Каждый из этих типов СМИ по-своему восхвалял местные рестораны, галереи и вечеринки, что позволило сформироваться «аутентичной бруклинской крутизне» (Зукин, 2019: 76).

«Новые предприниматели Уильямсбурга кристаллизовали “аутентичность” района в продукт со своим культурным ажиотажем и оформили свои собственные новые начала во внушительную историю его корней» (Зукин, 2019: 82–83), но при этом, как утверждает Ш. Зукин, «эта история не имеет никакого отношения <...> к реальным корням Уильямсбурга» (Зукин, 2019: 83). Корни все еще можно было найти в отголосках мрачного прошлого: в рабочих, проживающих в районе; в польском мясном рынке и мексиканском продуктовом магазине, в котором стало заметно меньше покупателей. История новых предпринимателей Уильямсбурга тесно связана с историей перерождения «мрачности (gritty) в крутизну» (Зукин, 2019: 83).

К 2000 году район изменился не только как предпринимательская среда, заметно изменился его расовый состав. В то время многих волновала тенденция «побеления» населения Бруклина. Как утверждает Ш. Зукин, это можно было бы объяснить джентрификацией, но на ее взгляд, это слишком узкий термин для описания происходящих изменений. «Новая “аутентичность” Бруклина отражает иной, повысившийся социальный статус, где повышение означает, с одной стороны, рост богатства, а с другой — рост этажности зданий» (Зукин, 2019: 94). Поток людей с деньгами, которые ценят «аутентичный» городской опыт, привел к элитному редевелопменту бывших промышленных территорий и повышению арендной платы для новых предпринимателей, о которых речь шла выше. Из-за чего многие из них в начале 2000-х были вынуждены закрыться или переехать в менее дорогие помещения.

Таким образом, Ш. Зукин делает вывод, что политика и капитал, разумеется, способствуют трансформации города, но немаловажна при

этом роль медиа и вкусов среднего класса. Идея влияния вкусов среднего класса на развитие городов нередко встречается в исследованиях последователей Зукин (Johnstone, 2017; Koch, 2015). Например, М. Гато рассматривает, какими ценностями наделяют жители Лиссабона городские пространства, и, ссылаясь на Ш. Зукин, выделяет для исследования средний класс, который «часто ассоциируется с определенным представлением о возрождении городских пространств и образа жизни в городах» (Gato, 2016: 127).

Рассматривая аутентичность Гарлема — «столицы черной Америки», в которой «связи между расой и территорией даже еще более “аутентичны”, чем в любом районе Бруклина» (Зукин, 2019: 98), автор заключает, что он дважды переживал ренессанс. Первый период творческого подъема случился в 1920–30-е годы, когда в Гарлеме жили и работали многие «афроамериканские и афрокарибские писатели, художники и интеллектуалы» (Зукин, 2019: 101). Однако чаще всего под «гарлемским ренессансом» имеют в виду изменения, развернувшиеся в начале XXI века. Гарлем больше не гетто, как следует из названия данной главы, несмотря на то, что «подавляющее большинство (75%) по-прежнему называет себя чернокожим» (Зукин, 2019: 106) и имеет наглядные свидетельства социального расслоения. Это расслоение отразилось в пространстве: с одной стороны — элитное жилье, с другой — жилье для малоимущих в многоэтажных домах. Такая социально-экономическая пропасть, как утверждает Зукин, стала причиной кризиса аутентичности и в результате поставила перед Гарлемом немислимые ранее вопросы: «имеет ли какой-либо квартал в Нью-Йорке право быть бедным и черным? Не утратил ли Гарлем свою аутентичность в качестве черного гетто?» (Зукин, 2019: 108).

В период между двумя гарлемскими ренессансами эта территория действительно представляла собой гетто, ей были присущи: игнорирование проблем со стороны власти, пренебрежение со стороны жителей других районов, ощущение безысходности самими жителями Гарлема, криминальная обстановка и грязь. Ситуация начала меняться к концу 1980-х, когда появился новый черный средний класс — образованные молодые люди, занятые в государственном секторе, творчестве или банках: «они начали возводить свои корни не к ущербной жизни черного гетто <...> а к вдохновенной жизни более отдаленного во времени гарлемского ренессанса» (Зукин, 2019: 117). Однако в отличие от Бруклина, в изменениях которого значительную роль сыграли медиа и вкусы новых обитателей, Гарлем трансформировался во многом благодаря агрессивным действиям государства. Политика государства способствовала открытию сетевых заведений в районе и в целом развитию предпринимательства путем использования государственных средств для привлечения займов из частного сектора. Несмотря на то, что эти меры подействовали, и жители в основном были рады новым магазинам, они также выказывали недовольство тем, что «коммерческая джентрификация уничтожает аутентичность Гарлема как района для небогатых чернокожих жителей» (Зукин, 2019: 125).

И действительно, как утверждает Ш. Зукин, опасения обоснованы, причем в вытеснении населения активное участие принимают чернокожие, но более обеспеченные жители совместно с белым средним классом. Вместе они конструируют новую аутентичность Гарлема, так как обладают и культурным капиталом для того, чтобы оценить эстетику его наследия, и экономическим, чтобы стать его обладателями. После периода, характеризующегося усилиями государства по привлечению частных инвестиций, наступил черед СМИ «открыть» обновившийся Гарлем для широкой публики, привлекая при этом и туристов, и новых жителей.

Гарлем, таким образом, отличается значительная роль государства в процессе трансформации, но при этом, как утверждает Ш. Зукин, район все еще испытывает на себе влияние «черного гетто», в нем все еще есть проблемы с инфраструктурой, школами, безработицей. Но неприглядная история уходит в тень вместе с постепенным исходом исконного населения. Эти демографические изменения не оставляют без внимания исследователи. Например, Т. Уильямс и Ч. Нидхэм, изучая стратегии приспособления малого бизнеса Гарлема к изменениям, обращаются к книге Ш. Зукин (Williams, Needham, 2016).

Ист-Виллидж — другой район с непростой историей, в котором «протест — это образ жизни» (Зукин, 2019: 147). Именно история места, связанная с протестами против различных форм власти: правительства, держателей капитала, владельцев недвижимости, — создает Ист-Виллиджу репутацию аутентичного места.

Ш. Зукин использует термины греческого происхождения, обозначающие взаимосвязь аутентичности и времени: *kairos* и *chronos*. *Kairos* — это «чувство прошлого, вторгающееся в настоящее и бросающее ему вызов» (Зукин, 2019: 153). *Chronos* — это ощущение времени как непрерывной последовательности, движения из «вчера» в «сегодня» и из «сегодня» в «завтра». В восприятии Ист-Виллиджа большую роль играет *kairos* — это чувство времени способствует появлению новой аутентичности, в которой объединяются ощущение истории места и желание его потреблять, а здешний «потрепанный шик» — идеальная декорация для воплощения роли бунтаря, фланера, экстравагантного художника. Но все равно это декорации. Такое восприятие места, согласно Зукин, — мечта маркетолога о том, как должна работать аутентичность.

Процессы, происходящие в Ист-Виллидже, схожи с теми, что изменили Бруклин и Гарлем: появление творческой интеллигенции, привлеченной низкой арендной платой и атмосферой места. Сейчас еще сохранились квартиры с низкой арендной платой, но их все меньше. При этом Ш. Зукин указывает, что именно местные жители, не обладающие значительным экономическим капиталом, создают атмосферу места — богемного классового мира «бунтарей, художников и иммигрантов, искавших здесь убежище от гонений» (Зукин, 2019: 170). В этом плавильном котле люди были вынуждены договариваться, находить общий язык, что привело к формированию «культуры общительности». Однако рост арендной платы приведет

к тому, что аутентичность Ист-Виллиджа будет выражаться в зданиях, а не в исторически сложившемся компромиссе между противостоящими социальными мирами.

Ш. Зукин разворачивает также повествование вокруг важной части района — Зеленого рынка на Юнион сквер. Этот рынок рассматривается как возможность для местных ферм продавать свою продукцию, а для горожан — покупать настоящие продукты, общаться лично с производителями домашнего сыра, овощей и зелени. Однако Зукин ставит под сомнение, что продукты местные. Возможно, они действительно произведены в пределах обозначенной в правилах рынка территории, но при этом они подверглись космополитичным веяниям, и в результате рядом с кимчи продается овечий сыр, произведенный по французской технологии. Кроме того, что продукты являются, по сути, культурными гибридами, продавцы также зачастую не имеют отношения к их производству. Но они искусно играют свою роль радушного фермера, и посетители рынка поддерживают этот перформанс общительности, который «напоминает атмосферу “естественной” <...> местной аутентичности на ежедневных продовольственных рынках в Провансе и Тоскане» (Зукин, 2019: 178). Продавцы на таких рынках с давней историей предстают перед посетителями в традиционной одежде фермеров, даже разговаривают с характерными языковыми особенностями. Продукты при этом попадают на прилавки с соседнего оптового рынка. Но и продавцы, и покупатели поддерживают легенду о том, что за прилавком сами фермеры и товар произведен ими, «чтобы данное мероприятие в целом, да и весь город производили аутентичное впечатление. Так совместными усилиями создается видимость и ощущение местного колорита ради того, чтобы испытать чувство аутентичности» (Зукин, 2019: 178–179). По Ш. Зукин, аутентичность в таком случае является социальным конструктом.

Ист-Виллидж, подобно Гарлему и Бруклину, изменился в результате развития новых потребительских вкусов и образов жизни. И чем более локальный образ у района, тем сильнее к нему внимание СМИ, которые стимулируют появление все новых мест паломничества для ценителей «настоящей городской жизни», прославляют «новую Богемию» (Зукин, 2019: 166). Местный колорит становится все более дорогим, соответственно, растет цена на аренду. И новые местные жители убеждены, что стильные бутики и фермерские рынки помогают им сохранять баланс, но рост цен на недвижимость и неукротимое потребление необратимо смещают точку равновесия. Ш. Зукин эмоционально констатирует: «Мне жалко, что Ист-Виллидж прекратил борьбу с богатством и властью, обеспечивающую ему репутацию аутентичного места» (Зукин, 2019: 180).

Идею растущей ценности всего местного подтверждают и исследования, опирающиеся на идеи Ш. Зукин. Так К. Спарклен, Дж. Лоренсис и А. Кенион исследуют роль *настоящего* эля в туризме на севере Англии. «Локализм, — пишут они, — стал значительным активом в развитии туризма из-за его символических связей с местом и культурой» (Spracklen et al., 2013: 307).

Районы, рассмотренные Ш. Зукин, различаются своей историей, пейзажами и показателями арендной платы, и при этом обладают репутацией «аутентичных» мест, несмотря на то, что становятся все более и более дорогими и престижными.

Аутентичность «общих» городских пространств

Еще в своей предыдущей крупной работе Ш. Зукин обозначила основные тенденции, происходящие с общественными пространствами крупных городов: приватизация, ограничение свободы, «умиротворение с помощью капучино» (Зукин, 2015). Рассказ об аутентичности не прошел мимо общественных пространств. Повествование о противоречивой судьбе Юнион-сквер посвящено его парадоксальной природе. Парадокс заключается в том, что, несмотря на свою общественную сущность, это пространство находится в частных руках Партнерства Юнион-сквер, основанного в начале 1980-х годов. Эта частная организация владельцев коммерческой недвижимости выполняет «общественные функции по финансированию общественного пространства, его содержанию и контролю над ним» (Зукин, 2019: 187). Такие коммерческие организации ограждают горожан от раздражителей городской жизни — мусора, попрошаек, страха — и обеспечивают им приятное времяпрепровождение, но при этом стремятся всеми способами сделать недвижимость вблизи общественного пространства максимально дорогой. Однако этот аспект редко замечается пользователями пространства, они довольны атмосферой места, его чистотой и безопасностью. Также зачастую незамеченным остается жесткий контроль со стороны частных сил, приводящий к изгнанию некоторых социальных групп. Как утверждает Ш. Зукин, вытеснение бездомных в деле контроля территории — это верхушка айсберга. Она описывает случаи, когда охранники выдворяли скейтбордистов; загоравшую на траве женщину; людей, которые пили пиво из бумажных пакетов. Но при этом, несмотря на запрет официального владельца территории на распитие алкоголя вне кафе и киосков, охранники не трогают людей, пьющих коктейли и проводящих досуг на пикнике. Такое потребление относится к более престижному и потому не пресекается. Приватизация, таким образом, по утверждению Ш. Зукин, ведет к усилению социального неравенства.

Традиционная аутентичность общественных мест, подобных Юнион-сквер, основана на их функциональном предназначении, которое не изменилось со времен афинских агор или древнеримских форумов. Эти пространства создавались для того, чтобы горожане собирались для решения политических вопросов и торговли. И хотя не все категории населения имели к ним доступ, именно такая форма стала идеалом общественного пространства, «аутентичность» которого означает демократию. Однако демократия не всегда имеет безопасные воплощения, многочисленные митинги, которые имели место на Юнион-сквер, тому подтверждение.

В 1970-х годах Юнион-сквер привлекал охотников за скидками, так как вблизи располагались дешевые магазины, а сам парк был вотчиной наркоторговцев — все это делало место небезопасным не только из-за политических акций и стало стимулом обращений государства к частным охранным службам. Кроме того, существовали две проблемы: город не мог позволить себе качественные общественные услуги; и «ни одно государственное учреждение не отвечало за весь район целиком» (Зукин, 2019: 201), когда что-то ломалось, никто точно не знал, чья это зона ответственности. Эти причины стали основой формирования Партнерства Юнион-сквер. Несмотря на усиливающуюся роль частного бизнеса, парк все еще находился в государственной собственности Управления парков. Совместными усилиями Партнерство и Управление преобразовали Юнион-сквер, сделав его более открытым и просматриваемым со всех сторон. Эти меры, а также целая армия охранников и дворников сделали парк гораздо более безопасным местом. А наплыв гурманов, привлекаемых Зеленым рынком и ресторанами, и обеспеченной молодежи, связанный с расширением Нью-Йоркского университета, привел к коммерческому возрождению района. «Приватизация силами ТАБ [Территориальных ассоциаций бизнеса], — пишет Ш. Зукин, — решая задачу местного экономического развития, дает ответ на социальный, политический и нравственные кризисы, сопровождающиеся отказом государства от своей ответственности в пользу частных игроков» (Зукин, 2019: 211).

Старожилы в целом довольны происходящими изменениями, даже жилищной джентрификацией, так как новые дома строились на месте фабрик и прочих пустовавших площадей. Но все же интересы общественности и Партнерства однажды столкнулись. Камнем преткновения стал павильон в парке, в прошлом являвшийся трибуной для ораторов. Частное партнерство вынашивало план превратить его в дорогой ресторан. Однако эта попытка покуситься на государственную собственность вызвала волну протестов со стороны активистов, которые в 2008 году «прошли колонной через парк, повесили на павильоне большой транспарант с надписью “Не продается” и призвали положить конец приватизации» (Зукин, 2019: 207).

Юнион-сквер остался тем пространством, в котором люди собираются для выражения своей позиции. Ш. Зукин упоминает митинги против вторжения в Ирак в 2003 году, митинги в защиту прав иммигрантов в 2004, 2007 и 2008 годах, митинги в поддержку Хиллари Клинтон и Барака Обамы. Кроме того, это пространство используется для массовых развлекательных мероприятий, таких как безмолвный рейв, гонки Idiotarod, велогонка «Критическая масса». Все эти акции и мероприятия подвергаются довольно жесткому контролю со стороны как государства, так и частных сил. Однако, несмотря на рост неравенства и тотальный контроль, репутация самого важного общественного пространства в городе плотно закрепилась за Юнион-сквер после событий 11 сентября 2001 года.

Когда произошел теракт, уничтоживший башни-близнецы, люди не могли подходить непосредственно к месту трагедии, а потому собирались

в ближайшем общественном пространстве, располагающем к массовому действию. Этим местом был Юнион-сквер. Там образовалось «временное сообщество — спонтанное, недолговечное, текучее, — но в момент кризиса оно порождает ощущение “аутентичной” публики. Власти не контролировали пространство; это была наша агора, наш форум, наш парк» (Зукин, 2019: 218).

Ш. Зукин предлагает свое решение парадокса общественного пространства. По ее мнению, отвечать на преступность и насилие новым насилием — со стороны государства или частных сил — значит разрушить микросоциальное взаимодействие, которым должны быть пронизаны общественные пространства, причем не только в кризисные моменты. И выход она видит в создании новых систем управления общественными пространствами, в которых ответственность возлагается на простых горожан и на мелкие предприятия и магазины, а не на крупный бизнес совместно с государством. Мысли о растущем влиянии коммодификации и приватизации (например, Bruni, Esposito, 2019; Gato, 2016; Stovall, 2019) и, соответственно, о парадоксе общественного пространства (Karun, 2015) получили развитие во многих работах. К. Джонстон рассматривает процессы исключения из общественных пространств неудобных и констатирует, ссылаясь на Ш. Зукин, что стремление корпораций создать привлекательную и безопасную среду для среднего класса, готового потреблять (иначе говоря, «старбаксинг»), приводит к повышению контроля над общественными пространствами (Johnstone, 2017).

В качестве примера системы управления, которая могла бы решить парадокс общественных пространств, Ш. Зукин приводит неформальную организацию торговцев латиноамериканской еды. Первые торговцы пупусов, элотес и тортилий⁴ появились на стадионах рабочего района Ред-Хук в 1970-х годах. Особенностью этих торговцев было этническое происхождение, это мигранты из Колумбии, Мексики, Гватемалы и других латиноамериканских стран, которые в связи с изменениями в законодательстве США в 1985 году в особенно большом количестве иммигрировали в Нью-Йорк. Началась история торговцев с того, что женщины приносили еду своим семьям, проводившим весь день на стадионах. Но постепенно, когда стало понятно, что там есть спрос на простую уличную еду, зачастую эти же женщины начинали готовить не только на своих родных, но и на продажу, образуя настоящий фудкорт. Постепенно дело приготовления пищи на продажу стало расширяться, и заниматься им начинали не только женщины, но и вся семья целиком.

В то время район Ред-Хук был далеко не благополучным. Десятью годами ранее закрылся порт — крупнейший работодатель в районе; процветали преступность, наркомания, проституция. Но «присутствие иммигрантов постепенно повлекло за собой улучшение ситуации» (Зукин, 2019: 251), их взаимная поддержка помогла преодолеть кризис и постепенно на продавцов еды на стадионах начали обращать внимание СМИ, восторгавшиеся аутентичностью атмосферы и еды, которая готовилась и продавалась настоящими выходцами из Латинской Америки.

⁴ Блюда латиноамериканской кухни.

С 1970-х клиентура фудкорта значительно изменилась, все чаще можно было увидеть в очереди «покупателей, не являющихся ни латиноамериканцами, ни иммигрантами и не говорящих по-испански» (Зукин, 2019: 257). Рост популярности торговцев привел к тому, что в середине 2000-х на них обратили пристальное внимание представители власти и выдвинули требования: обзавестись специальными вагончиками, чтобы не готовить еду на открытом воздухе, а также всеми необходимыми документами. Эти требования чуть было не положили конец торговле, но благодаря семейным связям все правовые моменты удалось решить. Иммигранты второго поколения лучше приспособились к жизни в США и даже часто получали высшее образование. Поэтому интересы торговцев представлял молодой родственник семьи, работавшей на стадионе Ред-Хука. Кроме того, именно семейные связи помогали обзавестись фургончиками, которые стоили немало.

Однако некоторые завсегдатаи фудкорта отмечают, что после изменений он стал вызывать негативные эмоции не только из-за выхлопных газов и огромных очередей, но по большей части из-за утраты душевности: «ранее эта торговля <...> по своему характеру была “очень деревенской, очень аутентичной”» (Зукин, 2019: 271).

Рынку на стадионах Ред-Хук Ш. Зукин противопоставляет магазин IKEA, открытый неподалеку. Его развитие проходило «по хорошо известному сюжету: застройка городской территории, экспансия розничной торговой сети, сопротивление общины» (Зукин, 2019: 247). И несмотря на то, что люди ценят пупусы, продающиеся на стадионе, эти же люди не прочь отведать и шведских фрикаделек. Эти два пространства представляют две формы глобализации: IKEA — получившая право укорениться в пространстве благодаря экономическому капиталу; фудкорт у стадионов Ред-Хук — благодаря семейным связям. Торговцы подтвердили свое право на город и смогли сформировать альтернативную форму частного управления.

Тема уличной торговли в привязке к вопросам права на город, неравенств и аутентичности получила развитие в исследованиях. Так, Р. Коч рассматривает на примере Нью-Йорка, Сиэтла и Портленда практики торговли едой на улице на основе информации о лицензировании таких практик. Он делает выводы о том, как лицензирование может быть вовлечено в производство несправедливых решений, «а также как сдвиги в массовой культуре могут заставить пересмотреть принятые как должное законы» (Koch, 2015: 1231). Еда становится важным фактором, определяющим «аутентичный опыт городского существования» (Spracklen et al., 2013; Yue, Zhu, 2019). Еще одним примером, как социальная группа, не обладающая значительным экономическим капиталом или связями, получила право пустить корни в городе, стали общественные сады.

Первые общественные сады появились в Нью-Йорке в 1970-е годы. Это был ответ на городской упадок, когда многие городские территории оказались заброшенными и люди начали использовать их для выращивания овощей, зелени, ягод и фруктов. Изначально никаких юридических прав на эти сады горожане не имели, но сейчас многие из них оформлены официально.

И несмотря на то, что фактически эта территория не приносит доход, и потому на нее регулярно покушаются и власти, и застройщики, людям удается отстаивать свое право на город во многом благодаря СМИ.

«Общественные сады получают поддержку благодаря своей “аутентичности”» (Зукин, 2019: 283). Причем характер аутентичности менялся, изначально она была основана на низовом характере социального движения, бросающего вызов государству; затем на «этнической идентичности» (Зукин, 2019: 283), когда люди отстаивали свое право на сельскохозяйственное использование территории на основании традиций их народов. После же на выражении «светской культурной идентичности» (Зукин, 2019: 283), обеспечивающей спрос на районы с историей и уникальностью. И, наконец, сейчас поддержка СМИ обеспечивается аутентичностью общественных садов, связанной с устойчивым развитием, ликвидацией продовольственного неравенства и высокой ценностью всего местного.

Однако, по мнению Ш. Зукин, для того чтобы общественные сады получили государственное финансирование, обрели фундамент и породили организацию, «которая бы связывала их с публичной политикой устойчивого развития» (Зукин, 2019: 313), им необходимо «приобрести аутентичность иного рода, которая способна создать долгосрочные юридические корни, лишь выйдя за рамки этнической идентичности, экологического движения и трудовой справедливости: новую разновидность коллективного права собственности, связывающую государственную и частную собственность» (Зукин, 2019: 313–314).

Таким образом, «общие» пространства Нью-Йорка представляют собой различные комбинации государственно-частного управления. Каждая из этих комбинаций в той или иной форме отсылает к праву горожан на город, праву укорениться и к конфликту между «городской деревней» и «корпоративным городом». Этот конфликт в той трактовке, в какой он приводится у Ш. Зукин, упоминается, например, в исследовании Л. Рейндерса, основанном на объединении изучения символических репрезентаций и политического дискурса в городском пространстве (Reinders, 2016).

В заключении книги Ш. Зукин подводит читателя к мысли, что аутентичность — не столько характеристика определенного места, сколько выражение нашего беспокойства касательно протекающих в нем изменений. Она констатирует, что «конфликт между корпоративным городом и городской деревней мы ощущаем как кризис аутентичности» (Зукин, 2019: 320). Аутентичность трактуется ею разными способами: как форма власти; как социальный конструкт; как свойство идентичности; как право укорениться, как чувство. Это многоаспектная, «шизоидная» категория, которой ловко оперирует Ш. Зукин, вскрывая противоречия и конфликты городских улиц. По ее мнению, многолика аутентичность способна вернуть душу города, способствуя сохранению баланса между корнями города и его новыми началами. Душа города заключается не в разнообразии зданий, а в разнообразии людей, когда люди разного достатка, с разными образами жизни и вкусами проживают рядом. В этой мысли есть некоторые пересечения с видением

Л. Вирта, так как одним из критериев города, согласно его определению, является гетерогенность (Вирт, 2016). И достичь большей гетерогенности поможет создание новых форм управления, когда горожане и малый бизнес, а также улицы и здания обладают правом «укорениться и оставаться на одном и том же месте» (Зукин, 2019: 354), вопреки натиску джентрификаторов, СМИ, крупного капитала и государства.

Несмотря на то, что Ш. Зукин не приводит однозначного определения аутентичности, это не мешает последователям опираться на ее концепцию и предлагать свои авторские трактовки. Так, К. Спарклен, Дж. Лоренсис и А. Кенион утверждают, что аутентичность места, с точки зрения Ш. Зукин, это нечто, создаваемое тандемом хипстеров и творческих людей, а аутентичное место, соответственно, сконструировано его пользователями, оно не ассоциируется со старыми идеями принадлежности (Spracklen et al., 2013: 308). Однако большинство представлений идеи аутентичности Ш. Зукин, с которыми я столкнулась, делали акцент не на конструктивистском подходе, а скорее на выходящем за рамки трактовок аутентичности и как факта, и как конструкта. Ш. Се и Е. Батунова описывают аутентичность как чувство места, определяемое через эмоциональную связь и с местным сообществом, и с «землей» (Xie, Batunova, 2019). А. Весенер описывает аутентичность как укорененную в опыте категорию, как состояние, когда история места отображается в идентичности его жителей (Wesener, 2016).

Впрочем, существуют и трактовки, допускающие, что Ш. Зукин, вероятно, оперировала несколькими способами понимания аутентичности. Так, А. Мусиездов указывает, что аутентичность города заключается в привлекательных для образованных горожан старых зданиях, магазинах и арт-пространствах, которые маркируют их идентичность (Мусиездов, 2013). В таком случае это конструкт, который используется как часть стратегии повышения стоимости недвижимости и услуг. Но есть и вторая трактовка от Ш. Зукин — «подлинная аутентичность» — на которую указывает А. Мусиездов. Как бы ни тавтологично звучало это сочетание, но такое прочтение действительно можно извлечь из рассуждений Ш. Зукин. А. Мусиездов утверждает, что «выражением ... “подлинной аутентичности”, по мысли Ш. Зукин, являются не «знаковые объекты» (iconic architecture), а места, имеющие собственную историю (original places). Эти места объединяют в себе три составляющие: (1) географические объекты, (2) социальные практики, сформировавшиеся вокруг этих объектов, (3) и культурную идентичность, сформированную, в свою очередь, вокруг сообществ, осуществляющих эти практики. Так, например, аутентичность Нью-Йорка будут выражать не Статуя Свободы или Эмпайр Стейт Билдинг, а семейная булочная американцев итальянского происхождения, поскольку она аккумулировала вокруг себя локальное сообщество — людей, которые ходят туда не только для того, чтобы купить кусок хлеба, но и пообщаться и т.д.» (Мусиездов, 2013: 55).

Я склонна отчасти согласиться с точкой зрения, изложенной выше. На мой взгляд, Ш. Зукин оперирует двумя «аутентичностями», которые, по-видимому, распадаются на дополнительные элементы при попытке четкого истолкования.

Первая — это «аутентичность» в кавычках. Сконструированная стильность, эстетическая привлекательность и новизна. Вторая — аутентичность без кавычек, которая описывает право людей укорениться в пространстве и самим определять свою культурную идентичность в соответствии с этнической принадлежностью, классом или стилем жизни. Представляется, что аутентичность во втором значении довольно сильно пересекается с также используемой в работе концепцией «права на город». Ш. Зукин, презентуя в Лондоне свою книгу, отметила, что во время панельных дискуссий (особенно с представителями бизнеса) ее обвиняют в приверженности социалистическим идеям, утверждая, что она не социолог, а социалист⁵. Действительно, зачем давать людям возможность платить меньшую арендную плату, если рынок недвижимости диктует свои условия? Но все несколько сложнее.

Дж. Джейкобс, которая превозносила живые улицы городской деревни, согласно Ш. Зукин, способствовала их уничтожению, так как формировала эстетический образ материальной среды и, по сути, сама являлась джентрификатором. Ш. Зукин, на мой взгляд, можно упрекнуть в схожем. Ее трактовка аутентичности, несмотря на то что носит «социалистический» характер, является в то же время довольно элитаристской. Вот цитата из того же ее выступления в Лондоне: «Когда я переехала <...> там были маленькие торговые лавки, торгующие рыбой и мясом, кафе для рабочего класса и несколько маленьких ресторанов. Теперь всякий новый бизнес, расположенный на этой местной торговой улице, — это ресторан. Ресторан, который является частью крупной сети, и обычно ресторан, который обслуживает студентов <...> Местная торговая улица, на мой взгляд, становится на моих глазах менее аутентичным местом»⁶. Маленькие семейные магазины, местные продукты — не это ли привлекает джентрификаторов? Она утверждает, что элиты используют аутентичность как инструмент власти. Но какую аутентичность? В каком из ее многочисленных значений? Не является ли она сама элитой, которая указывает, «как должно быть»? Почему семейные лавочки являются аутентичной частью района, а тот же «Макдоналдс», который может считаться аутентичным проявлением капиталистического, глобализированного общества, — нет? И, наконец, есть ли дело тем самым незащищенным слоям до хотя бы одного из многочисленных определений, что аутентично, а что нет? Не исключено, что нет: возможно, они и слово такое не знают, и «кризис аутентичности», о котором говорит Ш. Зукин, их не трогает. Но их может волновать банальная стоимость коммунальных платежей, проблема выбора школы для ребенка, транспортная доступность района.

Еще один спорный момент, который прослеживается в рассуждениях Ш. Зукин, — это ее убежденность в том, что можно экстраполировать данные о процессах, происходящих в Нью-Йорке, на другие крупные города. Конечно, некоторые тенденции можно заметить и в Лондоне, и в Шанхае, но начиная

⁵ Zukin. Sh. The naked city. Запись выступления Ш. Зукин 17 января 2011 в Лондоне. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oJ6aymGN2Vo&t> (дата обращения: 15.05.2020).

⁶ Там же.

с какого момента город уже можно ставить в один ряд с Нью-Йорком? Не ясно. Мною была предпринята попытка концептуализации и описания «символической экономики» в трактовке Ш. Зукин для описания новосибирских реалий. Опыт интересный, но далеко не во всех аспектах удачный. Во-первых, отличается основополагающее: принципы управления пространством. Частные партнерства в том виде, в каком они описаны у Ш. Зукин, по сути, не имеют аналогов в сибирских условиях. Во-вторых, наши заброшенные заводские помещения и доки почему-то не привлекают творческую интеллигенцию, как это происходило в Нью-Йорке в XX веке. В-третьих, все-таки в Новосибирске (как и в целом в России) довольно много собственников жилья, что обусловлено спецификой приватизации, поэтому проблема арендной платы далеко не для всех актуальна. Наконец, в целом нельзя сказать, что именно культурная сфера играет первостепенную роль в идентичности и экономике города: промышленность продолжает играть важную роль. Быть может, у Новосибирска все еще впереди, и мы увидим и художников, устроивших студии в заброшенных цехах, и расцвет символической экономики, и повышенный интерес к аутентичности места.

Если предложенный Ш. Зукин взгляд столь хаотичен и неуловим, стоит ли использовать аутентичность в качестве исследовательского инструмента? Я верю, что да. Осложняется это практически полным отсутствием описания методической части работы в книге. Но, как уже указывалось выше, аутентичность — не авторский термин Ш. Зукин. Поэтому для всестороннего осмысления традиций и современных воплощений этого концепта необходимо ознакомиться с многочисленными работами в области философии, психологии, туризма, менеджмента и, разумеется, социологии.

Литература

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Пер. В. Николаева; под ред. В. Бабицкой. М.: Strelka Press, 2016.

Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3. С. 93–109.

Зукин Ш. Культуры городов / Под ред. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Зукин Ш. Ландшафты власти. От Детройта до мира Диснея / Пер. В. В. Вагина. 2009. URL: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_17.html (дата обращения: 15.05.2020).

Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / Пер. с англ. А. Лазарева, Н. Эдельмана; под науч. ред В. Данилова. М.: Институт Гайдара, 2019.

Мусиездов А. Территориальная идентичность в современном обществе // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 51–59.

Соловьева А. Н. Концептуализация аутентичности в контексте глобализации культуры // Вестник Северного федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 137–141.

Тыканова Е. Шарон Зукин. Культуры городов. Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с. // Laboratorium. 2016. Т. 8. № 3. С. 155–157.

Alkon A. H., Cadji J. Sowing Seeds of Displacement: Gentrification and Food Justice in Oakland, CA // International Journal of Urban and Regional Research. 2020. Vol. 44. № 1. P. 108–123. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12684>

Bruni A., Esposito F. It Obliges You to Do Things You Normally Wouldn't: Organizing and Consuming Private Life in the Age of Airbnb // *Partecipazione E Conflitto*. 2019. Vol. 12. № 3. P. 665–690.

Chen Y., Yang J. The Chinese Socio-Cultural Sustainability Approach: The Impact of Conservation Planning on Local Population and Residential Mobility // *Sustainability (Switzerland)*. 2018. Vol. 10. № 11. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10114195>

Corrêa L. G. Urban Interventions in a Global City: Dissensus, Consensus and Ambivalence in the Streets of London // *Media Studies*. 2018. Vol. 9. № 17. P. 48–67. DOI: <https://doi.org/10.20901/ms.9.17.4>

Gato M. A. Adding Value to Urban Spaces. Two Examples from Lisbon // *Etnoloska Tribina*. 2016. Vol. 46. № 39. P. 126–138. DOI: <https://doi.org/10.15378/1848-9540.2016.39.04>

Hoffberg M. Authenticity // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / Ed. by G. Ritzer, C. Rojek. Oxford: John Wiley & Sons, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosa090>

Johnstone C. Penalising Presence in Public Space: Control through Exclusion of the “Difficult” and “Undesirable” // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2017. Vol. 6. № 2. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.5204/ijcjsd.v6i2.299>

Jones S. Negotiating Authentic Objects and Authentic Selves // *Journal of Material Culture*. 2010. Vol. 15. № 2. P. 181–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359183510364074>

Karan I. Analysis of Place Intensity in the Examples of Liberty Square (Trg Slobode) and Njegosev Square (Njegosev Trg) in Trebinje // *Architecture, City and Environment*. 2015. Vol. 9. № 27. P. 27–46. DOI: <https://doi.org/10.5821/ace.9.27.2734>

Koch R. Licensing, Popular Practices and Public Spaces: An Inquiry via the Geographies of Street Food Vending // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2015. Vol. 39. № 6. P. 1231–1250. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12316>

Kwon Y. et al. Mapping the Distribution Pattern of Gentrification near Urban Parks in the Case of Gyeongui Line Forest Park, Seoul, Korea // *Sustainability (Switzerland)*. 2017. Vol. 9. № 2. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.3390/su9020231>

Manzo L. K. C. Emergent Spaces, Contemporary Urban Conflicts: Experiences of Social Mix in Changing Neighborhoods — The Case Study of Milan's Chinatown // *Advances in Education in Diverse Communities: Research, Policy and Praxis*. 2012. Vol. 9. P. 415–449. DOI: [https://doi.org/10.1108/s1479-358x\(2012\)0000008021](https://doi.org/10.1108/s1479-358x(2012)0000008021)

Morgner C. Spatial Barriers and the Formation of Global Art Cities: The Case of Tokyo // *International Journal of Japanese Sociology*. 2019. № 28. P. 183–208. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijjs.12094>

Naegler L. “Goldman-Sachs Doesn't Care If You Raise Chicken”: The Challenges of Resistant Prefiguration // *Social Movement Studies*. 2018. Vol. 17. № 5. P. 507–523. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1495074>

Orum A. Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places — By Sharon Zukin // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 997–998. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2010.01022_2.x

Reinders L. Homing the Dutch City Iconography of Home and the Politics of Representation // *Home Cultures*. 2016. Vol. 13. № 2. P. 193–213. DOI: <https://doi.org/10.1080/17406315.2016.1190586>

Spracklen K., Laurencic J., Kenyon A. “Mine's a Pint of Bitter”: Performativity, Gender, Class and Representations of Authenticity in Real-Ale Tourism // *Tourist Studies*. 2013. Vol. 13. № 3. P. 304–321. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797613498165>

Squire C., Esin C., Burman C. “You Are Here”: Visual Autobiographies, Cultural-Spatial Positioning, and Resources for Urban Living // *Sociological Research Online*. 2013. Vol. 18. № 3. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.5153/sro.2975>

Stovall M. “It's the 'Hood. But That Means It's Home!": African American Feminist Critical Geographic Wanderings in the Anthropology of Space and Place // *Transforming Anthropology*. 2019. Vol. 27. № 1. P. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.1111/traa.12142>

Wesener A. “This Place Feels Authentic”: Exploring Experiences of Authenticity of Place in Relation to the Urban Built Environment in the Jewellery Quarter, Birmingham // *Journal of Urban Design*. 2016. Vol. 21. № 1. P. 67–83. DOI: <https://doi.org/10.1080/13574809.2015.1106915>

Williams T. L., Needham C. R. Transformation of a City: Gentrification's Influence on the Small Business Owners of Harlem, New York // SAGE Open. 2016. Vol. 6. № 4. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244016673631>

Xie S., Batunova E. Shrinking Historic Neighborhoods and Authenticity Dilution: An Unspoken Challenge of Historic Chinatowns in the United States through the Case of San Francisco // Sustainability. 2019. Vol. 12. № 1. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12010282>

Yue H., Zhu X. Exploring the Relationship between Urban Vitality and Street Centrality Based on Social Network Review Data in Wuhan, China // Sustainability (Switzerland). 2019. Vol. 11. № 16. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11164356>

Zaban H. City of go(l)d: Spatial and Cultural Effects of High-Status Jewish Immigration from Western Countries on the Baka neighbourhood of Jerusalem // Urban Studies. 2017. Vol. 54. № 7. P. 1539–1558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098015625023>

Zukin S. Loft Living: Culture and Capital in Urban Change. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press, 1982.

Zukin S. Landscapes of Power: From Detroit to Disney World. Berkeley: California Press, 1991.

Zwiers M., Kleinhans R., van Ham M. The Path-Dependency of Low-Income Neighbourhood Trajectories: An Approach for Analysing Neighbourhood Change // Applied Spatial Analysis and Policy. 2017. Vol. 10. № 3. P. 363–380. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12061-016-9189-z>

Дата поступления: 15.04.2020

.....

The Authenticity Concept of Sh. Zukin: “Schizoid” Category in Urban Studies

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.1

Kseniia Kalashnikova

Kalashnikova Ksenia — Junior researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Assistant at the Chair of General Sociology, Novosibirsk State University, k.kalashnikova@g.nsu.ru.

The article is devoted to the consideration of the concept of authenticity set forth by S. Zukin in the book “Naked City: Death and Life of Authentic Urban Spaces”. The sources of the concept are traced in the author’s early works, the main subjects described in them are: the process of gentrification; power relations forming the urban landscape; symbolic economy and the power of cultural characteristics. These subjects became the basis of the idea of authenticity. Its manifestations are described by the example of “uncommon” and “common” urban spaces. A separate place in the article is considered by the development of individual ideas of Sh. Zukin, their interpretations, as well as applications for specific studies in the work of followers. The conclusion is drawn about the variety of interpretations offered by researchers and the ambiguity of using authenticity as a tool for analyzing the city.

Keywords: authenticity; urban space; Zukin; gentrification; “the soul of the city”

References

Alkon A. H., Cadji J. (2020) Sowing Seeds of Displacement: Gentrification and Food Justice in Oakland, CA. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 44. No. 1. P. 108–123. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12684>

- Bruni A., Esposito F. (2019) It Obliges You to Do Things You Normally Wouldn't: Organizing and Consuming Private Life in the Age of Airbnb. *Partecipazione E Conflitto*. Vol. 12. No. 3. P. 665–690.
- Chen Y., Yang J. (2018) The Chinese Socio–Cultural Sustainability Approach: The Impact of Conservation Planning on Local Population and Residential Mobility. *Sustainability (Switzerland)*. Vol. 10. No. 11. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10114195>
- Corrêa L. G. (2018) Urban Interventions in a Global City: Dissensus, Consensus and Ambivalence in the Streets of London. *Media Studies*. Vol. 9. No. 17. P. 48–67. DOI: <https://doi.org/10.20901/ms.9.17.4>
- Davydov V. N. (2006) Kulturnaya autentichnost i korennye narody: institutsionalnye protsessy i politika identichnosti [Cultural Authenticity and Indigenous Peoples: Institutional Processes and Identity Policies]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 9. No. 3. P. 93–109. (In Russ.)
- Gato M. A. (2016) Adding Value to Urban Spaces. Two Examples from Lisbon. *Etnoloska Tribina*. Vol. 46. No. 39. P. 126–138. DOI: <https://doi.org/10.15378/1848-9540.2016.39.04>
- Hoffberg M. (2011) Authenticity / In: Ritzer G., Rojek C. (eds) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Oxford: John Wiley & Sons. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosa090>
- Johnstone C. (2017) Penalising Presence in Public Space: Control through Exclusion of the “Difficult” and “Undesirable”. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. Vol. 6. No. 2. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.5204/ijcjsd.v6i2.299>
- Jones S. (2010) Negotiating Authentic Objects and Authentic Selves. *Journal of Material Culture*. Vol. 15. No. 2. P. 181–203. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359183510364074>
- Karan I. (2015) Analysis of Place Intensity in the Examples of Liberty Square (Trg Slobode) and Njegos Square (Njegosev Trg) in Trebinje. *Architecture, City and Environment*. Vol. 9. No. 27. P. 27–46. DOI: <https://doi.org/10.5821/ace.9.27.2734>
- Koch R. (2015) Licensing, Popular Practices and Public Spaces: An Inquiry via the Geographies of Street Food Vending. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 39. No. 6. P. 1231–1250. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12316>
- Kwon Y., Joo S., Han S., Park C. (2017) Mapping the Distribution Pattern of Gentrification Near Urban Parks in the Case of Gyeongui Line Forest Park, Seoul, Korea. *Sustainability (Switzerland)*. Vol. 9. No. 2. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.3390/su9020231>
- Manzo L. K. C. (2012) Emergent Spaces, Contemporary Urban Conflicts: Experiences of Social Mix in Changing Neighborhoods — The Case Study of Milan's Chinatown. *Advances in Education in Diverse Communities: Research, Policy and Praxis*. Vol. 8. P. 415–449. DOI: [https://doi.org/10.1108/s1479-358x\(2012\)0000008021](https://doi.org/10.1108/s1479-358x(2012)0000008021)
- Morgner C. (2019) Spatial Barriers and the Formation of Global Art Cities: The Case of Tokyo. *International Journal of Japanese Sociology*. No. 28. P. 183–208. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijjs.12094>
- Musiezdzov A. (2013) Territorialnaya identichnost v sovremennom obshchestve [Territorial identity in modern society]. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth Journal of Social and Humanitarian Studies]. No. 5. P. 51–59. (In Russ.)
- Naegler L. (2018) “Goldman-Sachs Doesn't Care If You Raise Chicken”: The Challenges of Resistant Prefiguration. *Social Movement Studies*. Vol. 17. No. 5. P. 507–523. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1495074>
- Orum A. (2010) Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places — By Sharon Zukin. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 34. No. 4. P. 997–998. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2010.01022_2.x
- Reinders L. (2016) Homing the Dutch City Iconography of Home and the Politics of Representation. *Home Cultures*. Vol. 13. No. 2. P. 193–213. DOI: <https://doi.org/10.1080/17406315.2016.1190586>
- Soloveva A. N. (2009) Kontseptualizatsiya autentichnosti v kontekste globalizatsii kultury [Conceptualization of authenticity in the context of globalization of culture]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federalnogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. No. 2. P. 137–141. (In Russ.)

- Spracklen K., Laurencic J., Kenyon A. (2013) "Mine's a Pint of Bitter": Performativity, Gender, Class and Representations of Authenticity in Real-Ale Tourism. *Tourist Studies*. Vol. 13. No. 3. P. 304–321. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797613498165>
- Squire C., Esin C., Burman C. (2013) "You Are Here": Visual Autobiographies, Cultural-Spatial Positioning, and Resources for Urban Living. *Sociological Research Online*. Vol. 18. No. 3. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.5153/sro.2975>.
- Stovall M. (2019) "It's the 'Hood. But That Means It's Home!": African American Feminist Critical Geographic Wanderings in the Anthropology of Space and Place. *Transforming Anthropology*. Vol. 27. No. 1. P. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.1111/traa.12142>.
- Tykanova E. (2016) Sharon Zukin. Kul'tury gorodov [The Cultures of Cities]. Translated by D. Simanovskii. Moscow: NLO, 2015. *Laboratorium*. Vol. 8. No. 3. P. 155–157. (In Russ.)
- Wesener A. (2016) "This Place Feels Authentic": Exploring Experiences of Authenticity of Place in Relation to the Urban Built Environment in the Jewellery Quarter, Birmingham. *Journal of Urban Design*. Vol. 21. No. 1. P. 67–83. DOI: <https://doi.org/10.1080/13574809.2015.1106915>
- Williams T. L., Needham C. R. (2016) Transformation of a City: Gentrification's Influence on the Small Business Owners of Harlem, New York. *SAGE Open*. Vol. 6. No. 4. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244016673631>
- Wirth L. (2016) *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism As a Way of Life] / Transl. by V. Nikolaev, ed. by V. Babitskaya. M.: Strelka Press. (In Russ.)
- Xie S., Batunova E. (2019) Shrinking Historic Neighborhoods and Authenticity Dilution: An Unspoken Challenge of Historic Chinatowns in the United States through the Case of San Francisco. *Sustainability*. Vol. 12. No. 1. P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12010282>
- Yue H., Zhu X. (2019) Exploring the Relationship between Urban Vitality and Street Centrality Based on Social Network Review Data in Wuhan, China. *Sustainability (Switzerland)*. Vol. 11. No. 16. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11164356>
- Zaban H. (2017) City of go(l)d: Spatial and Cultural Effects of High-Status Jewish Immigration from Western Countries on the Baka Neighbourhood of Jerusalem. *Urban Studies*. Vol. 54. No. 7. P. 1539–1558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098015625023>
- Zukin S. (1982) *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press.
- Zukin S. (1991) *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: California Press.
- Zukin Sh. (2009) *Landshafty vlasti. Ot Detroita do mira Disneya* [Landscapes of Power: From Detroit to Disney World] / Transl. by V. V. Vagin. URL: http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/blog-post_17.html (accessed 15 May 2020). (In Russ.)
- Zukin Sh. (2015) *Kul'tury gorodov* [The Cultures of Cities] / Ed. by D. Simanovskii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Zukin Sh. (2019) *Obnazhennyi gorod. Smert i zhizn autentichnykh gorodskikh prostranstv* [Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places] / Transl. by A. Lazarev, N. Edelman; ed. by V. Danilov. M.: Institut Gaidara. (In Russ.)
- Zwiers M., Kleinhans R., van Ham M. (2017) The Path-Dependency of Low-Income Neighbourhood Trajectories: An Approach for Analysing Neighbourhood Change. *Applied Spatial Analysis and Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 363–380. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12061-016-9189-z>

Received: 15.04.2020

О чем помнит город? Мемориальный ландшафт малого города (на примере Белозерска)¹

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.2

Ссылка для цитирования:

Синицын В. В. О чем помнит город? Мемориальный ландшафт малого города (на примере Белозерска) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 2. С. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.2>

For citation:

Sinitsyn V. V. (2020) What Does the City Remember? Memorial Landscape of the Small Town (the Case of Belozyorsk). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.2>

Виктор Синицын*

Конструирование памятного ландшафта города — комплексный процесс, на который воздействуют различные заинтересованные группы, между которыми возможны конфликты интересов. Этот тезис разворачивается в статье с опорой на результаты эмпирического исследования мемориального ландшафта городской среды Белозерска как малого города Вологодской области. Проведя краткий обзор исторических вех развития города, автор фокусирует внимание на трех мемориальных инициативах: проекте о традиционном рыболовецком промысле, проекте о финно-угорских корнях населения города и внешней инициативе по консервации руин

¹ Проведение первого «настоящего» исследования — особенный этап в работе начинающих специалистов, требующий не только личной инициативы, но и активного участия целой команды. Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто имел отношение к организации исследования и помогал на каждом этапе, начиная от первого дня «в поле» и заканчивая последним абзацем настоящего текста: руководителям экспедиции — А. С. Максимовой и В. В. Кобыще за их опыт и открытость к сотрудничеству; моим коллегам по экспедиции, особенно А. В. Барышниковой за поддержку и помощь в правке черновых вариантов, и Т. С. Ремизовой за ее внимательность и мастерство фотографии; отдельное спасибо В. С. Носовой за ее талант точных формулировок; а также А. В. Стрельниковой за мотивацию, терпение и чуткость в работе со студентами.

* Синицын Виктор — магистрант факультета социальных наук, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории социальных исследований города факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», vvsinitsyn@hse.ru.

церкви Рождества Христова в Крохино. Опираясь на материалы интервью с участниками мемориальных инициатив, а также с представителями городской власти и незадействованными в работе над проектами местными жителями, в статье уточняется механизм возникновения и развития коллективной заинтересованности в превращении того или иного сюжета в публичное место памяти, где существенную роль играет его оправдание с позиций логики «мира рынка» и логики «домашнего мира».

Ключевые слова: место памяти; малый город; Белозерск; публичное пространство; коллективная память; приватная память; экспедиция

«Мы живем в эпоху мирового торжества памяти» — так еще на пороге XXI века охарактеризовал одну из тенденций современного культурного процесса знаменитый французский историк П. Нора (Нора, 2005). Спустя несколько десятилетий данный тезис нисколько не утратил своей актуальности. Обращение к событиям и стилистике прошлого и по сей день остается крайне актуальным лейтмотивом современности, проявляясь на различных этапах циркуляции культуры (Джонсон, 2012: 88) — от политической практики «изобретения традиции» (Хобсбаум, 2015: 7–17) до произведений массовой культуры, осознанно отказывающейся от новаторства в пользу уже знакомых по форме и содержанию высказываний (Нойс, 2018: 127).

Данная статья посвящена анализу особенностей конструирования мемориального ландшафта городской среды Белозерска и деятельности групп акторов, влияющих на этот процесс. Наиболее подходящим инструментом описания связи эфемерного понятия памяти с коллективно обозримым материальным воплощением является концепция «мест памяти» как опознаваемых «убежищ» истории в городской среде (памятники, музеи, стелы, статуи и пр.) (Нора, 1999). По мере увеличения доли присутствия прошлого в актуальной повестке все острее встает проблема избирательности при составлении мемориальных ландшафтов, особенно на уровне утверждения коллективных коммеморативных форм (памятных дат, коллективных праздников, географических или внутригородских наименований, общедоступных материальных памятных форм и пр.). Зачастую непроблематизируемое в обыденной установке запоминание оказывается предметом конкурентного противостояния заинтересованных групп, поскольку память всегда конкретна, а ресурс запоминания ограничен. Иными словами, любые выражения памяти «*были задуманы и созданы теми, кто хотел сохранить память о событиях и людях, о которых другие склонны забывать*» (Wagner-Pacifici, Schwartz, 1991: 382).

Тезис о неустойчивости коллективной памяти и о ее зависимости от прочих составляющих культуры открывает большой потенциал для социологического и исторического изучения специфики формирования мемориальной повестки различных сообществ и разногласий в ходе этого процесса. В ходе нашего анализа мы опираемся на концептуальные ресурсы «социологии критической способности» (Болтански, Тевено, 2000: 76–79), позволяющей

классифицировать причины разногласий в общественной жизни, что вполне применимо для анализа городских инициатив. Болтански и Тевено выделяют шесть относительно устойчивых «миров», или мотиваций: мир вдохновения, домашний мир, гражданский мир, мир мнения, мир рынка и индустриальный мир. Мир вдохновения характеризуется значимостью эмоциональных переживаний, необычностью, способностью удивлять. Домашний мир отсылает к ценности традиции и иерархии личных отношений; здесь значимы уважение и репутация. В мире мнения значимы признание общности и приобретение известности. Гражданскому миру соответствует деиндивидуализированная ценность общего интереса, характеризующаяся способностью к мобилизации большого числа людей. Для мира рынка характерны конкурентные отношения, а значимой является рыночная стоимость, выраженная в денежном эквиваленте. Индустриальный мир отсылает к ценности профессиональной деятельности.

Демонстрируя историю создания тех или иных «мест памяти», мы остановимся на кратком изложении исторического контекста Белозерска с выделением генеральных памятных сюжетов и затем попытаемся прояснить принципы избирательности в установлении коллективной мемориальной повестки. Поскольку описание истории каждого отдельного памятника представляет собой слишком объемную задачу, подробно в настоящем тексте будут разобраны три примера, вокруг которых наиболее активно выстраиваются обсуждения, конфликты и солидарности. Среди них: проект «Крохино» (музей-памятник и консервация руин храма Рождества Христова на месте затопленного поселка), реализуемый иногородними активистами вопреки скептическому отношению локального сообщества; нереализованный проект местного жителя по созданию музея финно-угорской культуры «Белозерская весь»; успешные проекты местных жителей (музей «Традиционные лодки Белозерского края», и документальный фильм «Государев рыбный двор», посвященный традиционному быту рыбаков, исторически проживавших на данной территории, и ставший частью экспозиции музея Белого озера).

Методы и эмпирическая база

Исследование было проведено в 2018 году в рамках студенческой экспедиции проекта «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ². Одним из тематических направлений экспедиционной работы стало изучение материального воплощения памятных сюжетов, в частности, особенности составления мемориальной повестки города, которые и будут проанализированы в данной статье. Поиск городских мест памяти для последующего анализа проходил в несколько этапов. Вначале — посредством обращения к информации из открытых источников: туристических сайтов и административной документации

² Подробнее об экспедиции см.: <https://igiti.hse.ru/news/222052534.html> (дата обращения: 15.04.2020).

о планах развития города. В дальнейшем полученный первичный список дорабатывался в процессе личного наблюдения за городской средой и интервью с местными жителями.

Всего в рамках экспедиции было проведено порядка 90 интервью на различные темы, связанные с памятью и традицией, восемь из которых были проведены при участии автора (цитаты из этих интервью используются в данной статье)³. Рекрутинг информантов осуществлялся совместными усилиями экспедиционной группы, полученные данные и предварительные результаты обсуждались и дополнялись на ежедневных групповых обсуждениях. Для решения исследовательских задач было составлено четыре структурированных гайда: для инициаторов создания места памяти, людей, участвовавших в его реализации, представителей местной администрации и сторонних наблюдателей — местных жителей, не имеющих прямого отношения к памятным инициативам. Гайды состояли из нескольких тематических блоков, посвященных личности информанта, мотивам участия в создании места памяти, роли информанта в соответствующем процессе, а также сопутствовавшим или препятствовавшим обстоятельствам, повлиявшим на успех или неудачу проекта. Помимо вопросов, связанных с задумкой и реализацией конкретной инициативы, отдельный блок был посвящен разговору об осведомленности и отношении собеседника к уже существующим или создаваемым на момент экспедиции памятным местам и мемориалам. Таким образом, полученные эмпирические материалы представляют собой срез данных о мотивации инициативных групп горожан и способах продвижения и осуществления мемориальных инициатив, а также о самих инициативах, причем как об успешно реализуемых, так и о тех, которым, в силу различных обстоятельств, не было суждено реализоваться.

Обнаруженные места памяти и инициативы по их созданию анализировались согласно следующим исследовательским интуициям, представленным Вагнер-Пачивичи и Шварцем: 1) составление «насыщенного» описания кейса, направленного на раскрытие концептуальных структур, лежащих в основе субъективных действий; 2) дискурс-анализ, чувствительный к инскрипциям значений в различных социальных контекстах; 3) проведение сравнительного анализа, позволяющего прийти к общим выводам (Wagner-Pacifici, Schwartz, 1991: 383).

Прошлое в городской среде Белозерска

География проведенного исследования обладает рядом специфических черт, которые необходимо прояснить, прежде чем перейти к описанию

³ Из них семь интервью были проведены с местными и иногородними активистами, занимающимися созданием и поддержкой мест памяти; одно парное интервью — с представительницами местной молодежи, не связанными с памятными организациями. Также в анализе мы опираемся на интервью с представителем городской администрации, которое было проведено руководителями экспедиции.

памятных сюжетов в городской среде Белозерска. Начнем с того, что во время экспедиции Белозерск представлял собой характерный пример периферийного, в масштабах страны, малого города. По данным Федеральной службы государственной статистики, в январе 2018 года в городе проживало 9236 человек, при этом, согласно Стратегии социально-экономического развития Белозерского муниципального района до 2020 года, показатели оттока населения, количества рабочих мест и уровня благосостояния горожан в период 2010-х годов постепенно ухудшались. Соответствующие экономические и демографические характеристики влияют на содержательную и методологическую стороны исследования. Малочисленность населения делает Белозерск удобным объектом для изучения, поскольку сообщество в подобных городах, как правило, представляет сравнительно гомогенную группу, каждый участник которой осведомлен о различных аспектах актуальной городской повестки, включая появляющиеся инициативы в области овеществления тех или иных памятных сюжетов. Следовательно, изучаемые процессы принимают здесь более наглядный характер. Также постепенное ухудшение актуальной экономической ситуации отчасти сказывается на актуализации памятного нарратива среди коренного населения. Для прояснения этого тезиса необходимо обратиться к историческому контексту развития города. Общий вид на город представлен на фото 1.

Фото 1. Белозерск, вид на озеро и церковь Спаса Всемилоственного с земляного вала вокруг Белозерского Кремля, июль 2018 г.

Источник: фото участницы экспедиции Т. Ремизовой.

Первое летописное упоминание о Белозерске датируется 862 годом, для сравнения первое упоминание Вологды и Москвы — 1147 год. В разное время Белозерск был стратегически важным оборонительным постом, одним из важнейших экономических центров на территории торгового пути,

ключевым транспортным узлом Мариинского водного пути, местом возникновения знаковых произведений поэзии и кинематографа. Местность славилась рыбным промыслом, рыбной ловлей занималась большая часть населения. Во времена расцвета на деньги купцов строились дома, церкви, торговые ряды, сформировавшие городскую среду. Однако переопределение границ государства, изменение векторов торговых путей, а затем распад Советского Союза и приватизация рыболовецкой отрасли постепенно приводили к упадку привычных практик и видов деятельности. Плохое развитие инфраструктуры сделало город труднодоступным, что затрудняет его развитие (и в частности развитие туризма)⁴.

Фото 2. Рукодельный макет Белозерского Кремля второй половины XV в., выполненный местным жителем. Белозерский Областной Краеведческий Музей, июль 2018 г.
Источник: фото В. Синицына.

Из исторической перспективы развития проистекают четыре основных сюжета меморизации, обнаруженных в городском пространстве Белозерска: в первую очередь это *рыболовецкий промысел и быт рыбацкой деревни*. Вторым сюжетом является *память о выдающихся личностях, родившихся здесь или имевших отношение к истории города*. Среди них В. М. Шукшин, И. П. Малоземов, С. С. Орлов — выдающиеся поэты, фронтовики, деятели искусства. Отдельное место занимает *военная тематика*, глобально составляющая повестку общероссийской коллективной памяти (ВОВ и Куликовская битва). Соответствующие сюжеты представлены в городской среде при широкой поддержке одновременно административных ресурсов города и инициативы местных жителей, помогающих в организации деятельности

⁴ Стратегия социально-экономического развития Белозерского муниципального района на период до 2020 года // Администрация Белозерского муниципального района Вологодской области. URL: <https://belozer.ru/wp-content/uploads/2017/11/990.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

музеев и организующих собственные локальные места памяти⁵. Своеобразным памятным сюжетом можно назвать и *подчеркивание образа старинного города* (см. фото 2).

Отношение локального сообщества к городскому прошлому

В ходе исследования нами были зафиксированы ностальгические представления об утраченном прошлом и об обесценивании практик, еще недавно составлявших основу повседневного образа жизни. В результате значительная часть местных жителей фокусируется на собственном будущем, связывая его с переездом из города, или же, напротив, концентрируясь на текущих задачах, например, на работе или учебе. Меньшая часть горожан, не способных или не желающих мириться с утратой, проявляет инициативу по сохранению свидетельств и атрибутов прошлого. Иногда стремление сохранить воспоминания о прошлом становится подспорьем для вклада в развитие туристической отрасли и в будущее — собственное и города в целом. Например, это происходит в случае сотрудничества с музеями.

Задачи по сохранению памяти декларируются представителями городской власти. Об этом упоминалось как во время интервью, так и в соответствующей документации с планами городского развития, ключевым направлением которого, наряду с охотой и рыбалкой, является исторический и культурный туризм: возможность прикоснуться к «прошлому» и почувствовать дух старинного русского города. Отметим, что в ходе экспедиции нами была обнаружена эксплуатация памятных сюжетов в формальных городских мероприятиях. Например, приуроченный ко дню города фестиваль «Былины Белоозера» ежегодно проходит в середине июля и преподносится властями как «*главное туристское событие*» и «*наиболее значимое культурно-просветительское мероприятие*»⁶, призванное поддерживать основной туристский бренд города: «Белозерск — былинный город»⁷. Вместе с тем местные жители неоднократно отмечали формальный характер празднования и относительно слабую заинтересованность в его посещении. Так, местная жительница отметила, что своего рода «целевой аудиторией» фестиваля оказались мигрировавшие уроженцы города, рассматривающие его как повод вернуться в родные края:

«Большую часть, можно сказать, что не видела... не могу даже ничего толком сказать... Ну а что сказать, для города как бы такой праздник, люди встречаются, родственников много съезжается... Для местных это

⁵ Например, мемориальный дом-музей С. С. Орлова, созданный по инициативе его родственников, организация школьного музея в СОШ № 1 им. И. П. Малоземова; памятник В. М. Шукшину, установленный по инициативе и на средства местных жителей.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Белозерского муниципального района на период до 2020 года // Администрация Белозерского муниципального района Вологодской области. URL: <https://belozer.ru/wp-content/uploads/2017/11/990.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

⁷ Там же.

получается [смеется] такой праздник своеобразный, потому что в основном все вынуждены принимать гостей у себя дома, кормить, поить, мыть посуду, стелить постель, в общем, местные всегда стонут от этого праздника... Ну а так-то это, конечно, событие такое, встряска определенная, не так уж у нас много праздников в городе» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»⁸).

Несмотря на то, что название и концепция фестиваля предполагают отсылку к истории и традиции Белозерска, на деле значительная часть программы не связана с историческим наследием города. Во время празднования в городе открывается несколько площадок, посвященных псевдотрадиционным формам фольклора и ремесла. Большую часть программы также занимают приглашенные из соседних городов и областей коллективы, например из Череповца. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и на одном из крупнейших объектов фестиваля — «Белозерской ремесленной ярмарке»: ярмарочные ряды преимущественно наполнены продукцией фермеров и мастеров из разных городов Вологодской области, в то время как немногочисленные «аутентичные» товары представляют собой пример «изобретенной традиции»⁹.

В целом можно выделить две логики развития мест памяти: как способ сохранения лично значимых фрагментов жизни горожан и как инвестиции в развитие туристической отрасли.

Память о рыболовецком промысле

Обратимся к более подробному рассмотрению избранных историй создания памятных мест и начнем с рыболовецкого промысла. Как уже было отмечено, одним из наиболее представленных в городской среде Белозерска памятных сюжетов является рыбная ловля. Разговоры о рыбной ловле в Белозерске заводятся повсеместно — от домов в соседних селах до собраний городской администрации и фестиваля «Былины Белоозера». Рыбной ловле посвящены несколько экспозиций в городских музеях (музей Белого озера, музей «Традиционные лодки Белозерского края», зал судоходства и рыболовства в краеведческом музее). Про рыбалку и рыбаков был снят большой документальный фильм по инициативе и с участием жителей входящего в состав Белозерска рыбацкого села Маэкса, там же традиционно местные жители каждый год собираются отмечать день рыбака. Во время торжественного открытия экспозиции музея Белого озера «Государев рыбный двор», на котором нам удалось

⁸ Фонд «Крохино» — используемое в статье сокращенное название фонда «Центр возрождения культурного наследия «Крохино»».

⁹ Ознакомиться с программой фестиваля можно на сайте «Культура в Вологодской области», URL: <http://cultinfo.ru/news/2018/7/for-the-eighth-time-in-the-region-will-sound-epic-18?Y=2018&M=7&CODE=for-the-eighth-time-in-the-region-will-sound-epic-18> (дата обращения: 01.05.2020).

присутствовать (см. фото 3), глава Белозерского муниципального района Е. В. Шашкин посвятил значительную часть своего выступления презентации рыбной ловли как одного из основных достоинств города, во все времена прославлявшего Белозерск как на территории Вологодской области, так и за ее пределами. Параллельно глава района неоднократно отмечал разделяемое лично равнодушие местных жителей к исконному промыслу, проявляющееся, в частности, в популярности воздвигнутого недавно памятника Белозерскому судаку на городской набережной. Примечательно, что даже на гербе Белозерска располагаются две скрещенные стерляди.

Фото 3. Открытие экспозиции «Государев рыбный двор», музей Белого озера, июль 2018 г.
Источник: фото В. Сеницына.

Несомненно, рыбалка долгое время была главным промыслом белозерцев, но, как упоминалось ранее, ситуация кардинально изменилась: некогда кормящее и прославляющее город ремесло постепенно становилось все менее востребованным. Поменялась техника ловли рыбы: если раньше это занятие требовало постоянного внимания и участия большого количества людей, теперь процесс рыбной ловли происходит под гораздо меньшим контролем, что привело к обесцениванию рыбацкого труда. В результате молодежь не рассматривает эту профессию при выборе жизненной траектории и не обучается ей, и ремесло постепенно уходит на второй план:

«Дети, внуки видят с детства, что... Во-первых, тяжело, а если по сути дела разобраться, прибыли от этого практически никакой и нет... А с другой стороны, деваться людям некуда, куда они еще пойдут работать...»
(С., пенсионерка, сотрудница местного дома культуры).

Жители, заставшие эпоху расцвета рыбной ловли, вспоминают это время с тоской и ностальгией, часто это проявляется в историях из детства и сравнении жизни тогда с жизнью сейчас:

«Раньше-то люди жили семьями... Семьи были по 8–9 человек, а теперь... Начинается путина осенняя, у нас дом был родительский на Заречной улице, если посмотреть из окошка — рыбаки собрались и идут цепочкой нескончаемой, потоком, со своими котомочками, рюкзаками... Жизнь бурлила, а сейчас ничего не бурлит, потому что действующих рыбаков осталось, наверное, человек шесть...» (С., пенсионерка, сотрудница местного дома культуры).

Ощущение утраты «общего дела, объединявшего семьи и город», подвигло С. снять документальный фильм об оставшихся рыбаках, ныне используемый в качестве части экспозиции одного из местных музеев:

«Это получилось чисто случайно, сначала думала внуку — пусть узнает, кем был дедушка, кем прадедушка, потом как стукнуло по голове... Бессонница просто была, как шли рыбаки один за одним на свою путину, мне пришла мысль в голову: а сейчас-то кто у нас остался? ... Просто стало страшно, что все, их нет...» (С., пенсионерка, сотрудница местного дома культуры).

Схожая интенция прослеживалась и в случае создания музея «Традиционные лодки Белозерского края». По словам К., его создателя и, по совместительству, единственного экскурсовода, сначала он просто «спасал» старинные предметы быта, собирая у себя на участке выброшенные новыми хозяевами домов. Кроме того, эти предметы имели для него особенную ценность, поскольку сам К. — мастер древесной резьбы и «знает им цену». Когда предметы уже не помещались на дворе, он договорился с администрацией о выкупе здания и открыл свой музей, на котором он теперь зарабатывает, проводя экскурсии для туристов (см. фото 4).

Обе описанные инициативы по увековечению старинного промысла местных жителей были реализованы без каких-либо ощутимых препятствий ни на этапе сбора материала, ни после, в процессе формального согласования нового «памятника» в городской среде, чего не скажешь о проектах фонда «Крохино» и «Белозерская весь», о которых пойдет речь далее. Предположительно это связано с тем, что тематика рыбной ловли и сопутствующие ей атрибуты доиндустриального, зачастую ручного и массово распространенного среди старшего поколения коренных жителей труда одновременно оказывались востребованными как со стороны потерявших «общее дело» горожан, так и с позиции городской администрации, взявшей курс на создание туристического образа былинного города. При этом реализация места памяти основывалась на уже имеющемся материале, не требующем значительного привлечения сторонних ресурсов, помимо времени и устремленности местных активистов. Вернемся к более подробному размышлению о причинах успехов

Фото 4. К. проводит экскурсию в музее «Традиционные лодки Белозерского края», июль 2018 г. *Источник:* фото В. Сеницына.

или неудач инициатив по созданию «мест памяти» позже, а пока остановимся на другом примере инициативы, также проявленной одним из коренных белозер, но не оказавшейся столь успешной в реализации.

Память о финно-угорских корнях: проект «Белозерская весь»

О другом примечательном сюжете нам рассказал Г., один из местных пенсионеров, бывший капитан и заместитель начальника Белозерского речного порта, а также сотрудник Белозерского краеведческого музея, принимавший активное участие в оформлении и собственноручно создавший ряд его экспозиций. На момент предложения инициативы по сохранению памяти о финно-угорских корнях у Г. уже имелся опыт успешного запечатления памяти в городской среде. Так, на фоне обеспокоенности горожан разрушением большого количества исторической застройки и отсутствия средств на ее восстановление им был реализован собственный проект по созданию и музеефикации макетов ансамбля всех местных храмов и церквей, включая те, что во время реализации проекта уже были разрушены. Помимо 17 храмов и церквей, в нем представлен макет Белозерского Кремля второй половины XV в. Обе экспозиции были сделаны Г. вручную. Говоря об обустроенной лично экспозиции зала, Г. отметил, что ее реализации способствовала необходимость формального наполнения музейных комнат: дело в том, что музей хотели переместить в более мелкое здание из-за транспортировки части экспонатов в вышестоящие по иерархии музеи. Другой проект Г. — подаренная музею личная коллекция археологических находок, также составляющих экспозицию отдельного зала краеведческого музея.

Говоря о местах памяти в Белозерске, помимо перечисления списка имеющихся в открытом доступе музеев и памятников, Г. рассказал об одной из нереализованных личных инициатив по созданию музейной экспозиции, посвященной финно-угорской истории Белозерска. Согласно его словам, северо-запад России исторически был территорией проживания финно-угров, о чем сейчас незаслуженно забыли:

«Мы ведь как, зациклились на славянах, у нас русское, славянское все, вот, а этих мы и знать не знаем, понимаешь... а это настолько же все интересно, я уверен, лет через 50, может, через 100 это будет интереснейшая тема, представляешь, то есть каменный, бронзовый век, финно-угорская составляющая вот в русском народе... А у нас, на Белом озере, вот до этого мы еще не доросли, нам наплевать на эту культуру каменного века... простому человеку эта археология — тьфу, вот, финно-угорская тем более, и мне вот говорили, мол, “эта тема неинтересна людям, брось ты ее к черту!”» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Доказательства своей теории Г. находит в специфичных археологических находках на территории Белозерска и в особенностях местного диалекта:

«Например, черепки обычные, причем все идет без гончарного круга, то есть гончарный круг будто сюда наши предки славяне завезли, ну, может быть, тысячу лет назад», в названиях географических объектов «встречается в источниках печатных, “езеро” и “Новоезеро” — это вот где тюрьма “Пятак”, Новоозеро называется. Я спрашиваю историка, учителя, как переводится, он говорит, “ну, русские приехали, новое, так и новое, все”, я говорю “ез” — это рыболовный закол ... “езы” — это вепское слово, а вот если часть реки, тогда заездок и ставили, значит, эти, рюси, морды и так далее этими езами городили реку до Петровского указа» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

«Он (сторож. — Прим. авт.) говорит “не знаешь, что ли, что такое пожок?”. Я: “А чего?” — “Костер”... Вот, и он-то думает, и все мы думаем, что “пожок” — это костер от слова «жечь». Взял опять этот словарь, русско-вепский, смотрю: “пожак” — костер по-вепски...» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Сам Г. на собственные средства написал и издал книгу «Журавли фараона», посвященную сравнению культуры древних финно-угров Белоозера и культуры древнего Египта как одних из наиболее развитых. Кроме того, он лично составил словарь местного диалекта, а также долгое время пытался привлечь внимание горожан и администрации к созданию в Белозерске музея финно-угорской культуры «Белозерская весь» и съемкам

соответствующего документального фильма. Несмотря на весомый личный вклад в развитие музейной инфраструктуры города и известность инициатора в кругах администрации и сообщества горожан, проект музея финно-угорской истории города к моменту издания статьи так и не был реализован. Созданию мемориала финно-угорской истории препятствуют одновременно ресурсоемкость плана и неубедительность идеи в глазах местной администрации и широкого круга горожан, потенциально способных хотя бы отчасти их компенсировать. Тем не менее, несмотря на непонимание среди представителей местного сообщества, на момент проведения исследования Г. не оставлял попыток реализовать свой замысел и даже сообщил о намерении обратиться за финансовой поддержкой к департаменту культуры Финляндии.

Примечательно, что, объясняя значимость проекта, Г. апеллировал к «общечеловеческим» ценностям, противопоставляя их местническому интересу окружающей публики, проявляющемуся либо в отсутствия интереса к прошлому вовсе, либо его ограниченностью мифологизированным образом славянского наследия. Похожий нарратив был обнаружен и в разговоре с главной героиней заключительного памятного сюжета — Н., вдохновительницей и главным организатором фонда «Крохино», работающего над консервацией руины церкви Рождества Христова. При этом сам Г., обсуждая деятельность фонда, уже оказался в числе противников создания соответствующего мемориала, аргументируя свою позицию его экономической нерентабельностью и незаинтересованностью местного населения. Тем не менее, несмотря на скептицизм со стороны местных жителей, единогласно признаваемый в риторике обоих героев, проект фонда «Крохино» успешно реализуется, с каждым годом приближаясь к полному воплощению задумки организаторов¹⁰. Остановимся на истории создания мемориалов, связанных с Крохино, более подробно в следующей главе.

Память о затопленном селе Крохино

Крохино — это название села, до 1961 года находившегося в 17 километрах к востоку от Белозерска. После создания обводного канала вокруг Белого озера, Крохино было затоплено, а местные жители принудительно переселены в окрестные населенные пункты (Росляково, Белозерск и прочие). На данный момент на месте бывшего поселения проходит фарватер, по которому регулярно проплывают суда, а о бывшем поселении напоминает лишь возвышающаяся над поверхностью воды полуразрушенная церковь Рождества Христова. Какое-то время строение поддерживалось в качестве действующего маяка, но:

¹⁰ См. подробную информацию о ежегодных результатах работы фонда на официальном сайте: Центр возрождения культурного наследия Крохино. URL: <https://krokhino.ru/news/> (дата обращения: 01.05.2020).

«Идею вскоре забросили, потому что надо обслуживать, опять же, надо минимум как 3 человека мотористов держать — и там, и там, а они решили, что 9 штук буев поставят по всей трассе, ось Белого озера, вот тебе буй и ходи туда-сюда все время, не заблудишься» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Живописно возвышающийся над водой храм с завидной регулярностью привлекал внимание представителей искусства и общественных деятелей, с каждым разом все более приобретая облик руины (см. фото 5, 6). В своем первоизданном виде храм был запечатлен в знаменитой серии одного из пионеров цветной фотографии М. Прокудина-Горского, выполненной в самом начале XX века. Тот же храм, но уже затопленный в основании, можно увидеть в одной из сцен фильма «Калина красная» В. М. Шукшина. Уже в 2013 году «Крохинская церковь близ Белозерска» появляется в документальном фильме Л. Парфенова «Цвет нации». Реставраторы же до открытия благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия “Крохино”» в 2009–2011 годах обходили это место стороной. Помимо работы над консервацией руин храма активисты фонда занимаются поиском и запечатлением историй переселенцев. Говоря о возникновении инициативы по созданию фонда, его организатор ссылается на чувство досады за утраченное наследие страны, возникшее во время просмотра документального фильма о затопленных городах и селах. На момент проведения экспедиции в планах фонда было завершение работ по консервации руины храма, создание музея, в котором будут собраны истории переселенцев, и воздвижение памятника на набережной в Белозерске. Помимо этого, одной из целей работы фонда является привлечение внимания правительства и граждан к проблеме сохранения историко-культурного наследия России¹¹.

Во время интервью с создателем и волонтерами фонда выяснилось, что в работах по восстановлению участвуют в основном представители других городов — Москвы или Санкт-Петербурга. Жители Белозерска же относятся к инициативе настороженно:

«Местные жители помогают, может, раз в год...» (Н., главный организатор фонда «Крохино»).

Впрочем, было отмечено участие сотрудников Краеведческого музея в качестве интервьюеров для сбора историй переселенцев. Одна из немногочисленных волонтеров фонда, относящаяся к числу местных жителей, на вопрос об отношении земляков к работе фонда, сказала, что люди здесь:

«Живут в своем мирке и ничего их не волнует» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»).

¹¹ Центр возрождения культурного наследия Крохино: о фонде, URL: https://krokhino.ru/o_fonde/ (дата обращения: 01.05.2020).

Фото 5. Руины церкви Рождества Христова в Крохино, июль 2018 г.
Источник: фото участницы экспедиции Т. Ремизовой.

Для самих переселенцев тема переезда из Крохино часто является сензитивной настолько, что иногда они отказываются помогать в создании мемориала, например, не хотят говорить на эту тему с волонтерами фонда или просят не публиковать свои истории:

«Есть одна переселенка, причем она очень хорошо все помнит, если в группе (во «ВКонтакте». — Прим. авт.) что-то выложили, может и поправить — это было тогда-то, но она категорически не хочет ничего абсолютно... Вот она мне потом позвонила, говорит: “Ты меня так расстроила, я ночь не спала, у меня все в голове крутилось — может быть, моя бы жизнь сложилась по-другому если бы нас не переселили”» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»).

Волонтер, в свою очередь, объяснила свое участие в работе фонда интересом к истории собственных родственников по линии отца.

Ярким примером скептического отношения к деятельности фонда со стороны местных жителей является позиция героя предыдущего раздела статьи. Как уже было сказано ранее, с точки зрения Г., данный проект не оправдывает требуемых для исполнения усилий ни с точки зрения привлечения туристического внимания, ни с позиции заинтересованности местного населения:

«Очень много надо там трудов, чтобы все это восстановить-то, а восстановишь ты, ну, потратишь ты, допустим, миллионов 50, и что там будет? Экскурсии — кто их будет проводить? Кто там будет жить? ... Как она будет восстановлена, с какой целью, экскурсионной? А как водить, возить? Причем она не имеет такого выдающегося значения, она, по-моему,

Фото 6. Участники экспедиции вместе с волонтерами фонда на месте проведения работ по консервации руин церкви, июль 2018 г.
 Источник: фото участницы экспедиции Т. Ремизовой.

ХІХ века, вот... Если бы она была где-то в селе, вот эта церковь, тогда понятно, что приход сделать...» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Помимо декларации нецелесообразности проекта, местные жители акцентировали внимание на сомнениях в искренности мотивов инициатора. Тем не менее Н. все-таки смогла найти ресурсы для продвижения своей инициативы, привлекая средства с общероссийских грантов, и единомышленников преимущественно из других городов.

Администрация города, в свою очередь, заняла лояльную, но пассивную позицию в отношении работы фонда:

«Город не будет препятствовать, но сам заниматься этим, я так подозреваю, не будет» (Н., главный организатор фонда «Крохино»).

С одной стороны это может быть связано с отсутствием достаточных финансовых ресурсов для инвестирования в сторонние проекты:

«Да город у нас — нищета вообще, у нас на электроэнергию денег нет — улицы освещать... начнется осень, потемнеет, у нас нет денег... город просто сидит в долговой яме» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»).

Кроме того, создатель проекта заявляла о трудности формального сопровождения помощи, поскольку руины храма не внесены в официальный земельный реестр. При этом представители фонда «Крохино» приглашаются

к участию в ежегодном фестивале «Былины Белоозера», сотрудничают с местным Краеведческим музеем, а также организуют более или менее регулярные мероприятия, посвященные своей работе, например, показ документального фильма «Незатопленные истории Белого озера»¹². Можно предположить, что подобные шаги навстречу инициативе отчасти связаны с потенциальным вкладом проекта в развитие городского туризма. Поскольку кратчайший маршрут к будущему мемориалу проходит через Белозерск, успехи и планы организаторов фонда «Крохино», скорее всего, так или иначе будут прямо или косвенно влиять и на город.

Об избирательности запоминания в городской среде

Как показало исследование, места памяти, наполняющие городскую среду, не возникают в отрыве от инициативы и работы представителей сообщества. Иными словами, для ответа на вопрос «Почему в городе представлены эти, а не иные памятники?», необходимо предварительно ответить на вопросы «Кем и почему выдвигались инициативы по их установке?», «Какими были этапы их утверждения и реализации?» и «Были ли другие инициативы, и если да, почему их не удалось воплотить?».

Инициативы и инициаторы. Возникновение инициативы по актуализации некоторой ценности, находящейся в упадке или под угрозой исчезновения, на индивидуальном уровне обосновывается различными мотивами. Пользуясь терминологией Л. Тевено и Л. Болтански, соответствующие ценности условно можно отнести к домашнему миру и миру вдохновения (Болтански, Тевено, 2000). Первый тип мотивов связан со сферой «близкого», то есть некоторых сюжетов и объектов, имеющих отношение к биографии инициатора и оказывавших непосредственное влияние на его ощущение собственного благополучия. В этом случае потребность в сохранении памяти становится способом восполнения личной утраты путем непосредственного «спасения» ее атрибутов или создания иного символизирующего объекта. Второй тип мотивов связан с сюжетами и объектами, ценными даже несмотря на фактическую «отдаленность» от инициатора и при отсутствии прямого воздействия на его жизнь. В данном случае инициатива по созданию места памяти основывается на вдохновении, то есть эмоциональном воздействии запечатляемой формы, основанной на обезличенной ассоциации инициатора с более широкой группой людей, например, принадлежащих к одному государству.

От инициативы к публичному месту памяти: борьба приоритетов. Успех процесса трансформации инициативы по сохранению памяти в публичное доступное место зависит не только от базовой ценностной ориентации его инициатора, но и от ее соответствия логикам мира мнений

¹² Центр возрождения культурного наследия Крохино: Новости. URL: <https://www.krokhino.ru/news/> (дата обращения: 01.05.2020).

(совокупности разделяемых убеждений) и рынка (выгоды, выраженной в денежном эквиваленте). Если «формат» места памяти одновременно является оправданным в логике рынка и значимым для группы людей, готовых активно проявлять содействие в реализации и поддержании места на безвозмездной основе, то это наиболее эффективный вариант, способствующий появлению публичного места памяти. Однако преимущество в рамках одной из логик может компенсировать недостаток другой. Рыночный механизм компенсации, будучи связанным с наличием платежеспособной аудитории, часто достигается за счет выхода за пределы интересов местного сообщества, например, в пользу интересов группы туристов или других заинтересованных лиц. Учитывая тяжелое экономическое положение Белозерска, рыночная ценность обретает особенную актуальность в решении судьбы коммеморативных проектов, соразмерную значимости развития туристического потенциала города. Подобная ориентированность на туризм, с одной стороны, стимулирует создание коммеморативных форм, но, с другой стороны, способствует усугублению разрыва между мемориальным ландшафтом, представленным в виде городских памятников, музеев и официальных празднований, и актуальными памятными сюжетами, значимыми для местных жителей. Фактически требование соответствия рыночной логике становится одним из барьеров, увеличивающих и без того сравнительно высокий порог входа в подверженное инерции мемориальное поле городской среды, задавая границы приемлемого памятного нарратива в рамках городского бренда. Вместе с разрывом между двумя памятными повестками, предположительно, одним из результатов неудовлетворенности локального сообщества в приоритетах формирования памятного ландшафта является обозначение конфликта между представителями локальных и приезжих инициаторов мест памяти. Косвенным подтверждением такой тенденции может являться низкая активность местного населения в работе с представителями фонда «Крохино», прямым же проявлением стала критика с позиции инициатора нереализованного проекта музея финно-угорских корней.

Стейкхолдеры. Говоря об агентах инициативы и влияния в создании мемориалов и мест памяти, можно выделить три условные группы, разделяемые по признаку принадлежности к локальному сообществу и ценностной ориентации: представители городского управления, локальные и сторонние инициаторы мест памяти. Первые больше руководствуются рыночной логикой, размышляя в категориях создания привлекательного для туристов городского бренда. Вторые исходят преимущественно из ценностей домашнего мира, заботясь о сохранении лично значимых событий из сферы «близкого». Третьи же руководствуются ценностями мира вдохновения, поддерживая эмоционально воздействующие артефакты «отдаленного». Иногда эти логики могут сливаться, например, создатель музея «традиционные лодки Белозерского края» смог монетизировать первоначально безвозмездную инициативу сохранения атрибутов деятельности местных мастеров. Тем не менее различие между выделенными группами отчетливо

видно в риторике их представителей, поскольку соответствующие ценности проявляются как в презентации собственной деятельности, так и в критике представителей прочих групп. Например, в критике деятельности фонда «Крохино» и властных инициатив, вроде фестиваля «Былины Белоозера» со стороны местных жителей или в обратной критике некоторых местных инициатив или их отсутствия.

Заключение

Разбираемый в статье пример Белозерска демонстрирует, что составление памятного ландшафта города — комплексный процесс, на который одновременно оказывает воздействие целый ряд заинтересованных групп. Поэтому корректнее говорить о множестве ограничений и предпосылок, необходимых для закрепления места памяти или мемориала в городском ландшафте. С одной стороны, это индивидуальная избирательность потенциальных инициаторов, руководствующихся ценностями сохранения значимых фрагментов прошлого, с другой стороны — избирательность, диктуемая необходимостью развития туристической сферы и направленная на создание привлекательного образа для внешнего зрителя. Избирательность первых основывается на ценностях «домашнего мира» и «вдохновения», вторых — на ценностях «мира рынка». Однако даже этим круг условий, влияющих на общую избирательность городской памяти, не оканчивается: необходимо также учитывать буквальные ограничения вместимости городского пространства и затратность обслуживания памятных мест и мемориалов, что иногда приводит к инерционному сохранению некоторых теряющих актуальность инициатив и к затруднениям в реализации новых.

Литература

- Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
- Джонсон Р. Так что же такое культурные исследования // Логос. 2012. № 1 (85). С. 80–135.
- Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 125–138. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-2-125-136>
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 15.04.2019).
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1999. С. 17–50.
- Хобсбаум Э. Массовое производство традиций: Европа 1870–1914 // Неприкосновенный запас. 2015. № 6. С. 7–17. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/6/massovoe-proizvodstvo-tradiczij-evropa-1870-1914.html> (дата обращения: 15.04.2019).
- Wagner-Pacifici R., Schwartz B. The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // American Journal of Sociology. 1991. Т. 97. № 2. С. 376–420. DOI: <https://doi.org/10.1086/229783>

Дата поступления: 30.04.2019

What Does the City Remember? Memorial Landscape of the Small Town (the Case of Belozyorsk)

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.2

Viktor Sinitsyn

Sinitsyn Viktor — Master's student, Faculty of Social Sciences; Trainee Researcher, Laboratory for Urban Sociology, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, vsinitsyn@hse.ru.

The article presents the results of an empirical study of the urban memorial landscape of Belozyorsk (Vologda region). The author makes the assumption that drawing up a memorable landscape of the city is a complex process which various stakeholders are involved in. Providing a brief overview of the historic milestones of one of the oldest cities in Russia, the author focuses on a detailed description of three memorial initiatives: local initiatives to establish the museum of fishing and Finno-Ugric heritage, as well as external initiative to conserve the ruins of Church of the Nativity in KrokhiNo. The analysis is based on semi-structured interviews with representatives of local and external initiative groups, city government and local residents who were not involved in the memorial projects. In the conclusion of the article, the author clarifies mechanisms of individual interest in remembering genesis and its further transformation into a public memory site.

Keywords: memory site; small town; Belozyorsk; public space; collective memory; private memory; expedition

References

- Hobsbawm E. (2015) Massovoye proizvodstvo traditsiy: Evropa 1870–1914 [Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable reserve] No. 6. P. 7–17. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/6/massovoe-proizvodstvo-tradiczij-evropa-1870-1914.html> (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
- Johnson R. (2012) Tak chto zhe takoye kul'turniye issledovaniya? [What is cultural studies anyway?]. *Logos*. No. 1 (85). P. 80–135. (In Russ.)
- Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The issue of memory realms]. *Franciya-pamyat'* [France-memory]. SPb.: Sankt-Peterburgskiy Universitet. P. 17–50. (In Russ.)
- Nora P. (2005) Vsemirnoye torzhestvo pamyati [Worldwide memory triumph]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable reserve]. No. 2 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
- Noys B. (2018) Dni minuvshogo budushchego: sostoyanie akseleracionizma [Days of Phuture Past: Accelerationism in the Present Moment]. *Logos*. Vol. 28. No. 2. P. 125–138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-2-125-136>
- Thevenot L., Boltanski L. (2000) Sociologiya kriticheskoi sposobnosti [Sociology of critical capacity]. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. Vol. 3. No. 3. P. 66–83. (In Russ.)
- Wagner-Pacifici R., Schwartz B. (1991) The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past. *American Journal of Sociology*. Vol. 97. No. 2. P. 376–420. DOI: <https://doi.org/10.1086/229783>

Received: 30.04.2019

Ускользящая ритуальность городского праздника (на примере Дня амурского тигра)

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.3

Ссылка для цитирования:

Малкова Н. Ю. Ускользящая ритуальность городского праздника (на примере Дня амурского тигра) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 2. С. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.3>

For citation:

Malkova N. Yu. (2020) How the Ritual of a City Holiday is changing: Case of the Amur Tiger Day. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.3>

Наталья Малкова*

В статье обсуждается городской праздник — День амурского тигра во Владивостоке, который возник как гражданская инициатива и впоследствии стал официальным мероприятием. Рассматривается история создания праздника и социокультурный контекст формирования идеи праздника, анализируются изменения структуры и смыслов этого праздника с течением времени. Формулируется гипотеза о том, что гражданская инициатива, представляя собой тип социального действия, может обеспечить создание смыслов, их сохранение в группе и передачу новичкам только при условии соблюдения определенных жестких рамок, или «ритуала». Проведенное эмпирическое исследование показало, что отход от сформировавшегося ритуала влечет за собой не только искажение исходной идеи, но и более формальное отношение участников к событию, а также может стать способом решения «внешних» задач, совершенно не связанных с событием. Полученные данные позволяют сделать вывод, что существует расхождение между изначальной целью проведения Дня амурского тигра (формирование нового стиля жизни) и его восприятием сегодня (установка на отдых и развлечение), а сам городской праздник как социальное действие в настоящее

* Малкова Наталья — кандидат философских наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, natalya.malkova@gmail.com.

время деритуализируется, что влияет на его восприятие горожанами и на их включенность в данное действие.

Ключевые слова: городской праздник; социальное действие; общественные движения; ритуал; деритуализация

Праздник как сложный и многоаспектный социальный феномен вызывает перманентный исследовательский интерес, так как дает возможность выявлять фундаментальные представления различных социальных акторов, работать с объективными значениями и функциями, репрезентируемыми в социальной инсценировке (Батлер, 2018; Вульф, 2008; Бахман-Медик, 2017). Драматургичность массовых событий и содержащаяся в них ритуальная компонента помогают современному человеку созидать и упорядочивать окружающий мир, конструировать социальную реальность или даже вовлекаться в альтернативную форму религиозной обрядности (Адоньева, 2009; Новикова, 2015; Нивня, 2014; Мартыненко, 2017).

В данной статье мы предлагаем рассмотреть праздник как социальное действие, которое формирует сплоченность в социальной группе и воспроизводит определенные смыслы, понятные участникам, а содержащуюся в этом действии ритуальную компоненту — как набор регулярно повторяемых действий, благодаря которым участники получают возможность проживать чувство радости, единства и усваивать идеи данного социального действия. В теоретических подходах к изучению действия можно выделить две противоположные позиции: действие предшествует слову (Фишер-Лихтер, 2015) и слово предшествует опыту тела (Батлер, 2018). Выбирая второй подход, мы исходим из предпосылки, что ценности, возникая внутри небольшой группы на основе совместных переживаний, могут выходить за ее пределы, передаваться другим людям, постепенно превращаясь в элемент поддержания жизнеспособности сообщества (Элиас, 2001: 60–63). Эта теоретическая установка позволяет исследователю подходить к изучению праздника с точки зрения смыслов, заложенных в него группой, и рассматривать его как текст.

Статья базируется на материалах авторского эмпирического исследования, в котором рассматривается кейс Дня амурского тигра во Владивостоке. Этот коллективный праздник, возникнув как гражданская инициатива, был нацелен на изменение поведения горожан и формирование нового стиля жизни, а обращение инициаторов праздника к образцу, уже существующему в культуре, должно было сделать его идею доступной широким слоям населения. Мы опираемся на материалы авторского эмпирического исследования, которое включало в себя проведение полужформализованных интервью (всего 22 интервью, из них 5 — с экспертами и 17 — с участниками праздничного шествия и жителей города, период сбора данных — с 2012 по 2019 год), а также включенное наблюдение (участие в праздничном шествии 30 сентября

2018 года¹) и анализ официальных новостных сайтов. Экспертные интервью были направлены на выявление идей, заложенных в социальном действии инициаторами праздника. Индивидуальные и групповые интервью с жителями города и участниками ежегодного шествия были направлены на выявление тех смыслов, которые они вкладывают в свои действия в рамках участия в празднике. Собранный материал был проинтерпретирован с опорой на теорию социального действия и теории ритуала. Выбор праздника в качестве объекта исследования позволяет проследить, как возникает и развивается социальное действие, определить его роль в социокультурном конструировании и тем самым внести вклад в изучение форм и структур инсценирующего действия.

Данная статья призвана ответить на следующие исследовательские вопросы: каков первоначальный смысл данного праздника, который должен был сохраняться посредством строгого соблюдения ритуальных элементов? Почему социальное действие, оформленное инициатором события как праздник, утратило свою ритуальную составляющую и может рассматриваться только как вариант развлекательного времяпрепровождения? Попытаемся проанализировать, как менялись структура и смыслы праздника День амурского тигра с течением времени, как формировалась и разрушалась ритуальная составляющая праздника.

Праздник и его ритуальная компонента

Рассмотрим ритуальную компоненту праздника как коллективного действия. В концептуальном плане продуктивным будет обращение к теории ритуала Э. Дюркгейма. Согласно этой теории, ритуал является базовым понятием, позволяющим описывать социальное и его соотношение с природным (Куракин, 2018). Обращая внимание на роль представлений и чувств, которые возникают в момент праздника как театра общественной жизни, Э. Дюркгейм утверждал, что нравственные силы, возникающие из совместного праздничного переживания идеи, в праздничном ритуальном действии создают конкретную и живую реальность. Эта реальность не равна ощущениям, получаемым представителями группы из физического мира, но при этом является формой господства общества над индивидами (Дюркгейм, 2018: 55, 379). Эти переживания проецируются вне сознания людей, которые их испытывают, и предстают как объективированные. В качестве формы объективации выступает определенный реальный объект, который наделяется особым, если употребить терминологию Э. Дюркгейма, сакральным значением.

Ритуал Э. Дюркгейм понимает как любое действие, которое носит символический характер вне практической значимости. Таким образом,

¹ Согласно официальным данным, в этот день в шествии участвовало 10 тысяч человек. См.: Полосатый наш отряд: праздничным шествием отметил Владивосток День тигра. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/09/30/174180/> (дата обращения: 07.01.2019).

праздник — действие ритуальное, в котором возникает физическое соприсутствие его участников, связанное с «опытом перехода» и «порогового переживания». Единство в осуществляемом действии будет считаться успешным, если удастся выйти за пределы обыденного восприятия и «духовно преобразиться». Для такого преображения используются жесты, костюмы, музыка и гимны.

Осуществляемое в рамках ритуала социальное действие требует от участников и организаторов необходимого усилия для его поддержания: знание может выразиться при помощи ритуала, только если существует преднамеренное исполнение в регулярной последовательности. Тогда ритуальная компонента, содержащаяся в празднике, наряду с уже перечисленными выше функциями будет способствовать:

1) инкорпорированию внешней по отношению к группе системы норм, нового знания как само собой разумеющихся, что позволяет исключить момент насилия (содержащийся в принуждении) над индивидом;

2) обновлению чувства самосознания и единства, хотя праздник ориентирован на материальное — сохранение природного разнообразия, но так в нем реализуется нравственное значение;

3) выработке ментальных состояний, способствующих формированию единства коллективных представлений, убеждений, морально влияя на членов группы (формируя чувство почтения, способствующего адаптации к среде).

Т. С. Мартыненко утверждает, что праздники, сформировавшиеся в эпоху Нового времени, выполняют задачу по объединению представителей различных социальных групп, формируют новые идентичности (Мартыненко, 2017). Говоря о том, что праздник всегда будет связан с историко-культурным контекстом, автор показывает, что официальные праздники не рассматриваются как раз введенные и навсегда сохраняющиеся, они могут отмечаться, не будучи официальными, а став официальными, через некоторое время могут утрачивать свою значимость. В то же время отмечается, что в современных официальных праздниках функция конструирования социальной идентичности не является первостепенной, ее сменяет ориентация на развлечение. Развивая эту идею, мы предполагаем, что сохранение стихийно найденной формы является важным, потому что от соблюдения заложенной в нее последовательности зависит понимание смысла как самого социального действия, так и его реконструирования на протяжении длительного времени. В противном случае ритуал превращается в формальность, а его созидательная функция перестает быть таковой. Эта гипотеза будет нами проверена на примере Дня амурского тигра.

День амурского тигра: история и социокультурный контекст возникновения праздника

Отталкиваясь от логики исследовательской стратегии кейс-стади, мы решили подойти к рассмотрению праздника «День амурского тигра» как феномена, наблюдаемого на протяжении определенного периода. Изначально

праздник был придуман и реализован группой единомышленников, а в качестве целевой группы были выбраны дети: с 1995 по 2000 годы он проводился в экологических центрах, детских садах, библиотеках. С 2001 года этот праздник официально стал общегородским². В 2019 году он отмечался уже в 20-й раз. Более того, по мере привлечения внимания к проблеме сохранения редкого животного он начал проводиться за пределами города и региона, а затем стал интернациональным. На Международном форуме по проблемам, связанным с сохранением тигров на Земле, проходившем в Санкт-Петербурге в 2010 году, был установлен Международный день тигра, который празднуется 29 июля³.

Амурский тигр как главный символ данного праздника является компонентом экосистем лесов Приморья и Приамурья. Места обитания амурского тигра за период освоения региона резко изменились, что связано с неограниченным использованием природных ресурсов региона со стороны человека. Деградация среды обитания вынуждает тигра покидать привычное место обитания или адаптироваться к новым условиям жизни (Акостомаров, 2009). Кроме того, существуют территории, на которых встреча с тигром неизбежна, например, к ним относятся окрестности Владивостока. К основным причинам, по которым зверь приближается к человеку, можно отнести зимний голод и чувство любопытства (Островская, 2018). Тигры в окрестностях населенных пунктов могут бродить по одному или группой, охотиться на бродячих собак, не беспокоя людей, уходить в тайгу. Тигр не нападает первым, причины непредсказуемого на первый взгляд и несущего угрозу безопасности поведения животного кроются в халатном отношении человека к использованию ресурсов. Поэтому отсутствие знаний об особенностях поведения тигра способствует возникновению чувства страха, рождает слухи, а те, в свою очередь, — социальную мифологию, не соответствующую реальности.

В середине XX века амурский тигр как вид находился на грани исчезновения, являясь объектом охоты, он был практически истреблен на территории всего Дальнего Востока (Островская, 2018: 183). Главным врагом тигра был и остается браконьер. Вариантами браконьерства являются как охота для решения личной экономической выгоды, так и охота как демонстрация архаического превосходства, которая продолжает восприниматься в качестве демонстрации могущества человека над природой, отражая проблему социального неравенства (Веблен, 2018: 17). Кроме того, доступные технологические средства и поведение, направленные на подчеркивание социального статуса, привели к формированию браконьерства нового типа — получению права на охоту через доступ к охотничьему клубу на границе с заповедником⁴ (Островская, 2018: 184).

² Городской праздник «День тигра» — Календарь событий. URL: <http://eventsinrussia.com/event/10450> (дата обращения: 18.08.2019).

День тигра отметят во Владивостоке в предстоящие выходные. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/09/28/174027/#ixzz5xbOkhBnj> (дата обращения: 18.08.2019).

³ Международный день тигра. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 18.08.2019).

⁴ Депутата-охотника задержали в приморском парке «Земля Леопарда». URL: <https://novostivl.ru/post/68648/> (дата обращения: 07.01.2019).

Инициатива организации Дня амурского тигра принадлежит писателю В. Тройнину (Тройнин, 2018). В 1994 году он выступил с предложением об экологическом просвещении как одном из направлений по спасению редкого хищника, обратившись не только к социальным институциям (школы, экологические центры), но и к своему непосредственному окружению, и в результате стал идейным лидером сообщества активистов. Тройнин полагал, что необходимо воздействовать на индивидуальное поведение, постепенно привить нормы, направленные на формирование бережного отношения к Уссурийской тайге, где главное действующее лицо не человек, а тигр. Местные экологи любят рассказывать о мальчике, папа которого зарабатывал охотой на тигра. Когда отец узнал о том, что его сын победил в экологической олимпиаде, то пообещал больше не охотиться на редкое животное. Эту историю, похожую на миф, экологи часто использовали в ходе наших экспертных интервью в качестве иллюстрации социальной эффективности просветительской деятельности.

Описывая идеи, к которым изначально стремились инициаторы праздника, эксперты отмечают в первую очередь необходимость поддержания экологического баланса и следования особым этическим нормам:

«Проблема тигра — проблема адаптации и функционирования экосистемы. Она включает в себя три составляющие — тигр в местах проживания животного и человека; затем увеличение и сокращение его численности может приводить к обострению отношений, и если актуализировать проблему сохранения вида, то она будет тесно связана с охраной леса от вырубки» (муж., зоолог, 50 лет, 2015).

По мнению экспертов, борьба за права животного должна происходить через осознание и понимание того, что благополучие жизни в регионе определяется уважительным отношением к природе, и особенно к тигру:

«Мы не знали, что не все можно показывать, открывать доступ к потаенной красоте. Люди были не готовы. И уже прошло много лет, а поведение людей так и не меняется» (жен., член группы основателей праздника, 65 лет, 2018).

«Мы хотим изменить поведение людей. Исчезновение тигра может привести к изменению экосистемы региона. Существует угроза: как только исчезнет тигр, на территорию придет волк» (жен., эколог, 25 лет, 2013).

Одним из важных и значимых социальных механизмов, позволяющих формировать и продвигать ценности через социальное действие, являются общественные движения (Паршакова, Лузина, 2015). Шествие, организованное В. Тройниным и его единомышленниками, по своей сути представляло собой зарождающееся общественное движение с экологическим уклоном, а саму идею праздника — изменить поведение горожан, сделать его более

экологичным, — следует рассматривать в контексте модификации восприятия природы в рамках бинарной оппозиции «общество — природа». В парадигме отношений общества модерна к природе можно выделить три этапа: природа как объект покорения, противостоящий человеку, природа как партнер и природа как жертва человеческой деятельности. Таким образом, по мере изменений смыслообразующих утверждений природа из объекта покорения становится объектом защиты (Веселкова и др., 2016: 114). Это привносит в отношения между обществом и природой важное этическое измерение, а именно: переводит природу из плоскости естественно воспринимаемой (само собой разумеющегося и, соответственно, неисчерпаемого ресурса) в сферу ценности. Ее можно утратить, если не изменить к ней отношение, видоизменяя привычки, сознание и поведение (Тросби, 2013: 81).

Отметим, что все перечисленные особенности восприятия природы были характерны для ее освоения в прошлом и сохраняют свою значимость для смысловой «привязки» к пространству города Владивостока в настоящем. До определенного момента здесь воспроизводилось противопоставление общества и природы, что связано с особенностями освоения территории (Аргудяева, 2007; Ермак, 2004). Первооткрывателям и жителям этих мест в ранний период были присущи типичные для колониальной политики культурные установки — освоить и использовать. Дальний Восток России — это дикий край, покрытый непроходимыми лесами, наполненный зверями (среди них тигр считался наиболее опасным), который необходимо покорить, присвоив все его ресурсы, а природа здесь не всегда благожелательно настроена по отношению к человеку (Арсеньев, 2004; Матвеев, 2010).

Социальное действие — это действие, которое формируется в культуре и понимается как сознательное, осмысленное и направленное на другого (Вебер, 2016: 75). Поэтому изначально шествие было сценически оформлено в соответствии с уже имевшимися в культуре формами, совмещающими инсценирование и исполнение как ритуальное действие в форме праздника. В сценарии, написанном вдовой В. Тройнина, репрезентировалось поэтапное освоение территории: кого исследователи встречают на своем пути, отправляясь в тайгу, кто в ней оказывается незащищенным перед человеком. Элементом инсценирования выступал костюм тигренка, который можно рассматривать в качестве «акцентирующего штриха», направленного на то, чтобы более точно произвести действие, поскольку интеллектуального знания в таком случае недостаточно (Дуглас, 2000: 101):

«Мы так хотели показать, кого исследователь встретит первым, кто в тайге перед человеком беззащитен» (жен., член группы основателей праздника, 65 лет, 2018).

Пространственно-временные рамки праздника были наполнены смыслами, нуждающимися в инсайдерской интерпретации. Так, сама дата праздника (14 октября) связана с опытом основателя праздника — в этот день охотовед впервые увидел след тигра, воспринятый им впоследствии

как судьбоносный. Актуализация идеи праздника в 1990-е годы связана с тем, что незаконное использование природных ресурсов в личных экономических целях тогда было широко распространено (Островская, 2018: 183), а принимавшиеся со стороны государства меры по защите тигра как исчезающего на тот момент вида оказались недостаточными. Маршрут праздничного шествия также не был случайным. Он начинался от здания музея им. К. Арсеньева, расположенного на ул. Петра Великого, 6, так как, согласно некоторым данным, здесь когда-то стояла баня, из которой не смогли выйти мывшиеся в ней солдаты, так как дверь подпер тигр (Матвеев, 2010: 370). Энтузиастов, принимавших участие в первом шествии, было несколько десятков. Они в самодельных костюмах тигра прошли по улицам города с плакатами, тем самым транслируя идеи инициативной группы. Важными условиями участия в празднике были требования не оставлять после себя мусор, соблюдать правила, характерные для тайги и использовать экологические материалы. Таким образом, цель первого шествия в рамках праздника состояла в том, чтобы изменить поведение горожан, преподнести идею защиты природы и увлечь их этой идеей, обозначить проблему организации жизни человека и животных на данной территории. При этом действия основателей праздника и их единомышленников направлены на выделение значимых для общества проблем и достижение социального эффекта, а животное — тигр — становится символическим элементом ритуала, объединяющим, по замыслу основателей праздника, людей, проживающих на конкретной территории.

День амурского тигра в современном контексте: новые функции и смыслы

С течением времени драматургия праздника претерпела ряд изменений. Во-первых, праздник стал проводиться не 14 октября, а в последнее воскресенье сентября. По одним источникам, изменение даты связано с особенностями погоды, так как в конце сентября на юге Приморья «бархатный сезон», что гарантирует теплую и солнечную погоду⁵. По другим источникам, это объясняется проводимым в начале сентября саммитом⁶. Во-вторых, праздник охватывает собой уже не один, а два дня — субботу и воскресенье, а в некоторые годы праздничные мероприятия растягивались на десять дней. В-третьих, перестроилось и расширилось содержание программы праздника. С открытием Приморской сцены Мариинского театра праздник стал начинаться с торжественного приема, посвященного Дню амурского тигра, на котором собираются все профессиональные сообщества экологов, охотинспекторов, зоологов, им вручаются награды. В 2016 году праздник был

⁵ День тигра — Открой Владивосток. URL: <http://vladivostok.travel/todo/tiger-day/> (дата обращения: 07.08.2019).

⁶ День тигра во Владивостоке в предстоящие выходные. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/09/28/174027/> (дата обращения: 20.07.2019).

особенно насыщенным — проходили детские мастер-классы по граффити, состоялась презентация книги о приключениях тигренка Амурчика с раздачей бесплатных экземпляров детям⁷, а в рамках официальной части праздника на Корабельной набережной был открыт мемориал Василию Ощепкову — родоначальнику советского дзюдо и основателю самбо. Поводом для такого подарка городу Центром «Амурского тигра» послужило то, что В. Ощепков разработал приемы дзюдо с опорой на повадки и моторику тигра⁸. В-четвертых, у шествия был изменен маршрут. Сегодня оно движется от Покровского парка до центральной площади. В-пятых, изменился состав участников: теперь в нем участвуют не только энтузиасты, а организации и предприятия города, учебные заведения (муниципальные школы, колледжи, университеты), а также жители районов Приморья, к которым могут присоединяться пенсионеры, туристы и другая публика.

Шествие в костюмах осталось компонентом праздника, но сейчас это уже не инсценировка, а карнавал и маскарад. Хотя, по мнению организаторов, это все-таки является отсылкой к первому варианту праздника, проведенного в 2001 году: «В первом карнавальном шествии приняло участие несколько десятков энтузиастов, которые в самодельных костюмах тигра прошли по улицам города с плакатами»⁹. Участие в шествии, согласно терминологии Дж. Батлер, можно определить как «собрание тел» (Батлер, 2018: 25): от момента формирования колонны, движения «вместе» до времени, когда единство рассыпается на отдельных индивидов, создается динамика совместного действия и совместных переживаний, и приобщение к общим смыслам, вкладываемым в совместное действие. Поэтому наши наблюдения за участниками шествия, которое проводилось 30 сентября 2018 года, были дополнены вопросом: «Что вы делаете, принимая участие в шествии, посвященном Дню тигра?» Ответы на этот вопрос отражают утрату единой идеи праздника и замещение субъективно значимого ритуала формальными аспектами:

«Принимаем участие в Дне тигра. Костюм дали в школе, сказали надеть» (муж., до 40 лет, папа первоклассника, 2018).

«Сказали прийти, но можно и не приходить, если есть веская причина. Вот эта одноклассница имеет такую причину, но все-таки пришла, и мы пойдём, потому что уже пришли классом» (мальчик-шестиклассник, 2018).

«Мы обеспечиваем численность. Говорить не можем, видите, к нам идет наш начальник» (учитель дополнительного образования, 2018).

⁷ Там же.

⁸ День тигра во Владивостоке: карнавал, самолет, поезд и премьера балета. URL: <https://primamedia.ru/news/532831/?from=37> (дата обращения: 18.09.2019).

⁹ День тигра на Дальнем Востоке — 29 сентября. URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/3172/> (дата обращения: 18.07.2019).

Из беседы со студентами ДВФУ, которая состоялась во время движения колонны (30.09.2018):

Интервьюер: Ребята, а почему вы кричите ДВФУ?

Участница: А что еще кричать?

Интервьюер: Но ведь День тигра? Вы знаете, что делаете, когда принимаете участие в Дне тигра?

Участница: Нет, нам сказали прийти, мы и пришли, чтобы побыть вместе, поэтому и кричим ДВФУ.

Репрезентации понимания цели действия и единения группы хорошо прослеживаются только у сообщества профессионалов: участников, связанных с Всемирным фондом дикой природы (WWF), Фондом «Феникс», Обществом сохранения диких животных (WCS). У них наряду со схематичными изображениями тигра есть транспаранты: «Полосатые всех стран, объединяйтесь», «Уроки тигроведения — в школу», «Сохраним природу» и «Сохраним тигра».

Представители ряда профессиональных сообществ одеты к корпоративную форму без символики праздника (школа милиции, курсанты МЧС) и участвуют в шествии без транспарантов. Представители компании «Аэрофлот» также одеты в корпоративную форму, но в руках одного из сотрудников был замечен макет «Тигролета» — самолета с нарисованной мордой тигра на носу. Курсанты гуманитарного колледжа держат в руках оранжевые шары: в контексте праздника оранжевый — цвет тигра. Мелькают номера школ, училищ, символики университетов — в основном все одеты без специфического дресс-кода. Костюмы тигров только у школьников, на студентах — белые футболки с названиями вузов, в руках они держат знаки тигра — лапы. На лицах у многих детей и взрослых аквагрим, маски, схематичные указатели, например, лапы тигра или его уши. В костюмы одеты не все участники, хотя организаторы пытаются мотивировать на это, объявляя каждый год конкурс костюмов¹⁰.

Отметим, что в 2018 году были добавлены элементы, которых не было в первом шествии: колонна малых народов (представители парка Бекин в удэгейских национальных костюмах) и колонна техники (квадроциклы, автомобили с прицепленными лодками), помогающей профессионалам выполнять экологические задачи.

Для горожан участие в Дне тигра — это, с одной стороны, возможность пережить ощущение единения, хорошо провести время с семьей и уйти от рутины:

«Приобщение к движению, спасающему животное. Чувство общности, мы вместе приобщаемся к проблеме защиты животного. Общий дух, идем бравой командой на защиту тигров и что-то можем сделать для них» (жен., студентка, 18 лет, 2017).

¹⁰ День тигра во Владивостоке. URL: <https://wwf.ru/resources/news/arkhiv/den-tigra-vo-vladivostoke/> (дата обращения 18.07.2019).

«Семейный праздник, возможность побыть с детьми (воскресенье), посмотреть, чем они живут, встретиться с теми, кого не видел, карнавал» (жен., мама школьников, 45 лет, 2016).

«Праздник помогает уйти от рутины через мелочи: найти оранжевую футболку, остановиться на бегу и побыть вместе» (жен., студентка, 18 лет; Олеся, студентка, 21 год, 2017).

С другой стороны, это помеха, так как перекрывают движение автотранспорта:

«Очень неудобно, так как из-за шествия перекрывается дорога, что нарушает воскресные планы» (жен., мама школьника, 28 лет, 2012).

Наконец, это повод выразить скепсис или критику в адрес праздника, непонимание его идеи, что озвучивалось довольно часто:

«Повод выпить. Развлекаловка для иностранцев, чтобы привлечь туристов из Китая как на карнавал в Латинской Америке» (муж., таксист, 40 лет, 2012).

«Какой-то тотемизм, тигр вызывает восхищение только в живой природе. Какое-то лицемерие, раньше тигров убивали (вспомните Янковских), а теперь защищают... не понимаю я этого» (жен., 38 лет, 2012).

«Сегодня принял участие в вашем Дне тигра, может быть, мне кто-нибудь скажет, что это было» (муж., командировочный из Санкт-Петербурга, 50 лет, 2019).

«Не знаю, про что это, ходят с тигриными мордами и шарами, загоняют туда силой, что вызывает у детей протест, но при этом праздник не отменяют. Второе первое мая. Праздник, который содержит принуждение» (жен., 25 лет, 2012).

«Чиновникам делать нечего, отмывают деньги. После праздника остается много мусора, материал, который используют во время шествия, загрязняет планету, какое это имеет отношение к экологии? Если праздник экологический, то это просто выброс денег, которые можно потратить более рационально, оказав реальную помощь все тому же тигру» (жен., мама школьника, 28 лет, 2012).

«Праздник сам по себе ничего изменить не может, ну а что, пускай он будет» (муж., зоолог, 50 лет, 2015).

Говоря о структуре и смысле праздника в настоящее время, и эксперты, и некоторые участники отмечают, что «праздник День тигра — это бренд города». При этом, по мнению экспертов, целью праздника является изменение

поведения населения, а шествие для них — только вспомогательный момент, поскольку основные мероприятия, с одной стороны, разворачиваются на площади, а с другой — экологическая работа ведется в течение учебного года в школах. Дети по-прежнему являются основной целевой группой, так как они более восприимчивы и отзывчивы, и через работу с ними экологи и зоологи надеются повлиять на поведение взрослых.

Если вернуться к элементам ритуала, позволяющим ощутить физическое соприсутствие его участников, испытать чувство, связанное с «опытом перехода» и «порогового переживания», выхода за пределы обыденного восприятия, «духовно преобразиться», то, на первый взгляд, все их можно найти в существующем сегодня варианте праздника: жесты, костюмы, музыка, гимны, время и место. Однако в действительности произошли довольно существенные трансформации мероприятия.

1. *Изменение времени и места.* Изначально дата праздника являлась объективированной формой ритуала. Важность сохранения даты и маршрута обусловлена сохранением существующего вне опыта и до него условия и причины, по которой это условие реализуется в этом месте и в этот период, почему нужно, когда нужно и как нужно (Дюркгейм, 2018: 50). То есть для сохранения ритуала праздник должен включать в себя один день, и в этот день любая другая деятельность исключается.

2. *Изменение формата.* В настоящее время наличие «тигриной» одежды перестало быть обязательным для участников. В рамках праздника исполняются песни и озвучиваются речевки, не имеющие отношения к Дню амурского тигра, а связанные, например, со студенческой жизнью. Это указывает на отсутствие единства в материальной стороне церемонии.

3. *Изменение смыслов.* Наблюдения и интервью показали, что если смысловые аспекты поведения каким-либо участникам не видны (хотя есть символ группы и его материальный носитель — костюмы и схематичное изображение тигра на телах участников, которые наносятся почти автоматически и неосознаваемо), то конструируются новые рациональные объяснения (праздник как способ привлечения туристов, праздник как «повод выпить» и др.). Таким образом, если изначально функция Дня амурского тигра состояла в том, чтобы сформировать новый стиль жизни, то сегодня его роль во многом сведена к установке на отдых и развлечение.

4. *Деритуализация.* Ритуальная компонента, по изначальному замыслу, должна представлять собой набор регулярно повторяемых действий, символизирующих поэтапное освоение тайги и указывая на тех, кто в ней незащищен перед человеком. Элементом сценического оформления выступал костюм тигренка. Агентами исполнения являлись энтузиасты, цель репрезентировали плакаты и транспаранты. В настоящее время все перечисленное оказалось практически полностью утраченным, а идея праздника многим участникам не понятна. С этим связаны причины формального, «невключенного» участия горожан в праздничном шествии. В целом смыслы праздника не усваиваются горожанами как единым сообществом, по-прежнему оставаясь достоянием определенной профессионально-экспертной группы.

Заключение

Как показало наше исследование, за двадцать лет существования праздника его структура изменилась, а смыслы подверглись размыванию. Содержание, которое легло в основу первого варианта шествия, трансформировалось, а участие в шествии стало носить добровольно-принудительный характер для ряда участников (школьники, студенты, сотрудники организаций). Исходная цель праздника (изменение поведения горожан в сторону экологичности) уже не озвучивается при описании мероприятия. Вместо этого указывается довольно абстрактная формулировка — информирование населения о тигре, что исключает перформативность, задуманную основателями праздника. И хотя в современном варианте мы можем найти функции, свойственные ритуалу (стремление собрать людей вместе, привести массы в движение и тем самым вызвать эмоциональный подъем), но только этими функциями социальное значение ритуала не исчерпывается, так как ритуальная церемония должна иметь важную цель (Дюркгейм, 2018: 623).

Ритуал возможен только как устойчивый порядок действий и контекстов, так как в нем единство обеспечивается не новизной, а повторением слов и действий. Однако в современном формате проведения праздника уже нет указания на устойчивые ритуальные формулы. Есть лишь схематичное указание на ключевой символ события, но отсутствие стабильных формул показывает, что нет понимания и знания того, что же все-таки собравшиеся делают, когда принимают участие в Дне амурского тигра. Смыслы, заложенные инициаторами праздника, передавались с помощью элементов ритуала, направленного на изменение установок горожан по отношению к природе, в частности к тигру. Когда объяснение ритуала дают сами участники, это означает, что смысл ритуала для них очевиден: присутствующие сопровождают свои действия пением, словами или лозунгами, в которых выражается идея, понятная остальным. В настоящее время эти смыслы утрачиваются, участники не могут расшифровать идею праздника, и он подвергается деритуализации.

Литература

- Адоньева С. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора, 2009.
- Акостомаров С. В. Динамика численности и изменение местообитаний амурского тигра на северной границе ареала. Автореферат диссертации кандидата биологических наук по специальности 03.00.32. Владивосток, 2009. URL: <http://earthpapers.net/dinamika-chislennosti-i-izmenenie-mestoobitaniy-amurskogo-tigra-na-severnoy-granitse-areala-1> (дата обращения: 07.08.2019).
- Аргудяева Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф: русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007.
- Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. М.: Крафт+, 2004.
- Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / Пер. с нем. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

Веблен Т. Теория праздного класса / Пер с англ.; под общ. ред. В. В. Мотылева. М.: ЛИБРИКОМ, 2018.

Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. С. 112–133. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>

Вульф К. Антропология: история, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: СП-БГУ, 2008.

Дуглас М. Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громовой; под ред. С. Баньковской. М.: КАНОН — пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Пер. с фран. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под ред. А. Апполонова. М.: «Дело» РАНХиГС, 2018.

Ермак Г. Г. Семейный и хозяйственный быт казаков Дальнего Востока России: вторая половина XIX — начало XX века. Владивосток: Дальнаука, 2004.

Куракин Д. «Элементарные формы»: великая книга и великая тайна // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 115–121. DOI: <https://doi.org/10.17323%2F1728-192x-2018-2-115-121>

Мартыненко Т. С. Советский праздник как способ конструирования социальной идентичности // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21). С. 111–115.

Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2010.

Нивня А. А. Эволюция ритуала от древности к современности // Грани. 2014. № 6 (110). С. 49–54.

Новикова Т. Г. Праздничный календарь в формировании ценностных установок общества // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 2 (6). С. 20–30.

Островская Н. Владивосток. Мой и наш. Владивосток: Бюро творческих находок г. Владивостока, 2018.

Паршакова Ю. А., Лузина Д. В. Сущность, типы и факторы социальных движений // Карельский научный журнал. 2015. № 2 (11). С. 49–52.

Тройнин В. День тигра: рассказы, очерки / Сост. О. А. Борисовская. Владивосток: 48 часов, 2018.

Тросби Д. Экономика и культура / Пер. с англ. И. Кушнаревой. 2-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Пер. с нем. Н. Кандинской; под ред. Д. В. Трубочкина. М.: Play&Play, Канон+, 2015.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психологические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Пер. с нем. А. М. Руткевича; под ред. О. Ю. Бойцова. М., СПб.: Университетская книга, 2001.

Дата поступления: 13.04.2020

How the Ritual of a City Holiday is changing: Case of the Amur Tiger Day

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.3

Natalya Malkova

Malkova Natalya — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Far Eastern Federal University, natalya.malkova@gmail.com.

The article explores the city holiday Amur Tiger Day in Vladivostok, which originated as a civic initiative, and later became an official event. The history of the holiday invention and the socio-cultural context of the holiday idea formation are considered, the changes in the structure

and the meaning of this holiday over time are analyzed. The hypothesis is formulated that a civil initiative, representing a type of social action, can provide the creation of meanings, their preservation in a group and their transfer to newcomers only if certain strict limits or “rituals” are observed. The conducted empirical research has shown that a deviation from the established ritual results not only distorts the original idea, but also produces a more formal attitude of participants to the event. It can also become a way to solve “external” problems that are completely unrelated to the event. The obtained data make possible to conclude that there is some discrepancy between the initial aim of the holiday to form a new way of life and its nowadays perception as a matter for recreation and entertainment. The city holiday as a social action is now deritualized and this influences the citizens’ perception of the holiday and their involvement in the action.

Keywords: city holiday; social action; ritual; social movements; deritualization

References

- Adonyeva S. (2009) *Duh naroda i drugie duhi* [The Spirit of the People and other Spirits]. SPb.: Amfora. (In Russ.)
- Akostomarov S. V. (2009) *Dinamika chislennosti i izmenenie mestoobitanij amurskogo tigra na severnoj granice areala* [The dynamics of the number and change of habitats of the Amur tiger on the northern border of the range]. Avtoreferat dissertacii kandidata biologicheskikh nauk po special'nosti 03.00.32. [Abstract of the candidate's dissertation]. Vladivostok. URL: <http://earthpapers.net/dinamika-chislennosti-i-izmenenie-mestoobitanij-amurskogo-tigra-na-severnoj-granitse-areala-1> (accessed 07 August 2019). (In Russ.)
- Argudjaeva Ju.V. (2007) *V. K. Arsen'ev — puteshestvennik i etnograf: Russkie Priamur'ja i Primor'ja v issledovanijah V. K. Arsen'eva: materialy, kommentarii* [V. K. Arseniev traveler and ethnographer: Russian Amur and Primorye in the studies of V. K. Arsenyeva: materials, comments]. Vladivostok: DVO RAN. (In Russ.)
- Arsen'ev V.K. (2004) *Kitajcy v Ussurijskom krae* [The Chinese at Ussurijsky region]. M.: Kraft+. (In Russ.)
- Bahman-Medik D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural Turns. New guidelines in the cultural sciences] / Transl. by S. Tashkenov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Butler J. (2018) *Zametki k performativnoj teorii sobraniya* [Excitable speech: a politics of the performative]. M.: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost'* [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo] / Transl. by R. Gromova; ed. by S. Bankovskaya. M.: KANON — press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoj zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of the Religious Life] / Transl. by A. Appolonova, T. Kotelnikova; ed. by A. Appolonova. M.: “Delo” RANHiGS. (In Russ.)
- Elias N. (2001) *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihologicheskie issledovanija* [About the process of civilization. Socio-genetical and psychological research]. Vol. 1. *Izmeneniya v povedenii vyshego sloja mirjan v stranah Zapada* [Changes in the behavior of the upper class of laypeople in Western countries] / Transl. by A. M. Rutkevich; ed. by O. Ju. Bojcov. M., SPb.: Universitetskaja kniga. (In Russ.)
- Ermak G. G. (2004) *Semejnij i hozjajstvennij byt kazakov Dal'nego Vostoka Rossii: Vtoraja polovina XIX — nachalo XX veka* [Family and household life of the Cossacks of the Far East of Russia the second half of the XIX — early XX century]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russ.)
- Fisher-Lihte E. (2015) *Estetika performativnosti* [Aesthetics of performativity] / Transl. by N. Kandinskaya; ed. by D. V. Trubochkin. M.: Play&Play, Kanon+. (In Russ.)
- Kurakin D. (2018) “Elementarnye formy”: velikaja kniga i velikaja tajna [The Elementary Forms of Religious Life: A Great Book and a Great Mystery]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 17. No. 2. P. 115–121. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323%2F1728-192x-2018-2-115-121>
- Martynenko T. S. (2017) *Sovetskij prazdnik kak sposob konstruirovaniya social'noj identichnosti* [Soviet Festivals a method of construction new social identity]. *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye*

kul'turologicheskije issledovanija [A person in the world of culture. Regional cultural studies]. No. 2/3 (21). P. 111–115. (In Russ.)

Matveev N. P. (2010) *Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka* [A brief historical outline of the city of Vladivostok]. Vladivostok: Almanah "Rubezh". (In Russ.)

Nivnja A. A. (2014) *Jevoljucija rituala ot drevnosti k sovremennosti* [Evolution of ritual from antiquity to modern times]. *Grani*. No. 6 (110). P. 49–54. (In Russ.)

Novikova T. G. (2015) *Parazdnichnyj kalendar' v formirovanii cennostnyh ustanovok obshhestva* [Paradise calendar in the formation of value attitudes of society]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. No. 2 (6). P. 20–30. (In Russ.)

Ostrovskaja N. (2018) *Vladivostok. Moj i nashenskij* [Vladivostok My and Nashensky]. Vladivostok: Bjuro tvorcheskih nahodok g. Vladivostoka. (In Russ.)

Parshakova Ju. A., Luzina D. V. (2015) *Sushhnost', tipy i faktory social'nyh dvizhenij* [Essence, types and factors of social movements]. *Karel'skij nauchnyj zhurnal* [Karelian scientific journal]. No. 2 (11). P. 49–52. (In Russ.)

Trojnin V. (2018) *Den' tigra: rasskazy, ocherki* [Tiger Day. Stories, Essays]. Vladivostok: 48 chasov. (In Russ.)

Trosbi D. (2013) *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture] / Transl. by I. Kushnareva. 2nd ed. M.: HSE. (In Russ.)

Veber M. (2016) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii* [Economy and society: essays in understanding sociology]. M.: Izd. dom NIU VSHE. (In Russ.)

Veblen T. (2018) *Teorija prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class. An Economic Study of Institutions] / Ed. by V. V. Motylev. M.: LIBRIKOM. (In Russ.)

Veselkova N., Vandyshev M., Prjamikova E. (2016) *Diskurs prirody v molodyh gorodah* [The Discourse of Nature in Young Towns]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 15. No. 1. P. 112–133. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>

Vul'f K. (2008) *Antropologija: Istorija, kul'tura, filosofija* [Anthropologia. Geschichte, Kulture, Philosophie] / Transl. by G. Hajdarova. SPb.: SPbGU. (In Russ.)

Received: 13.04.2020

Исследовательская рефлексия

Геолокация в исследовательских целях: геометки как источник данных

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.4

Ссылка для цитирования:

Стрельникова А. В., Бурова А. А. Геолокация в исследовательских целях: геометки как источник данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 2. С. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.4>

For citation:

Strelnikova A. V., Burova A. A. (2020) Geolocation for Research Purposes: Geotags as a Data Source. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.4>

Анна Стрельникова*, Анастасия Бурова**

Всемирное распространение социальных сетей и других онлайн-сервисов предоставило новые возможности сбора данных для различных прикладных исследований. Авторы рассуждают об одной из таких возможностей — о функции проставления геометки (геотеггинга), которая присутствует в качестве «дополнения» различных онлайн-данных. Однако это дополнение было бы неверно считать сугубо техническим. Для социологов, маркетологов и урбанистов геолокационные метки дают возможность не только сбора огромного массива информации о поведении людей как в физическом, так и в виртуальном пространстве, но и расширяют возможности для анализа этих пространств. В статье авторы выделяют такие преимущества геолокационных данных, как их объем (возможность работать с ними как с большими данными), нереактивность (они воспроизводятся самими пользователями) и дополнительные интерпретации (они позволяют понимать смыслы тех или иных элементов пространства для отдельных индивидов или групп).

* Стрельникова Анна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, astrelnikova@hse.ru.

** Бурова Анастасия — магистрантка Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», aaburova.13@gmail.com.

Исследовательские возможности, предоставляемые онлайн-данными в сочетании с геотегигом, авторы иллюстрируют различными эмпирическими примерами.

Ключевые слова: социальные сети; онлайн-данные; геометка; геотегиг; геолокация; городские исследования

Многообразие городской жизни создает необъятное поле для любого исследователя, о чем свидетельствует растущее количество работ по урбанистике. Вместе с динамикой развития города появляется потребность в источниках данных, позволяющих описать различные городские феномены и повседневные практики жителей. Однако нередкой является ситуация, когда исследовательский вопрос сформулирован, задачи ясны, но традиционные источники эмпирических данных (материалы интервью, наблюдений, массовых опросов) не позволяют их решить в полной мере.

«Информационный век» предложил исследователям новый источник данных — социальные сети и интерактивные онлайн-сервисы. Для городских исследователей это стало важным прорывом, прежде всего потому, что в большинстве случаев информация из социальных сетей может быть пространственно определена. Возможность геотегига, то есть указания на местонахождение (геолокацию), позволяет соотнести определенный набор данных из социальной сети с конкретной точкой в пространстве, «привязать» данные к пространственному положению.

В рамках данной статьи мы обозначим особенности геолокационных данных, которые сопровождают материалы из социальных сетей и онлайн-ресурсов, и проиллюстрируем возможности анализа таких данных в различных исследовательских ситуациях.¹ Мы попытаемся дать представление о возможностях онлайн-данных с пространственной привязкой: каковы особенности формирования контента, дополненного геолокационными тегами? Как этот контент в дальнейшем может стать набором данных для исследователя?

Геометки как продукт социальных сетей

Появление и использование геолокационных меток напрямую связаны с развитием цифровых повседневных практик, к числу которых относятся различные действия в социальных сетях. Особенность действий в социальных сетях заключается в их априорной интерактивности, подразумевающей не только

¹ Отметим, что первая часть заголовка статьи — «Геолокация в исследовательских целях» перекликается с одноименной публикацией в блоге исследовательской компании Tiburon Research, где обсуждается одно из прикладных локальных решений для сбора и обработки геометок (см.: <https://tiburon-research.ru/geolokaciya-v-issledovatel'skih-celyah-pilotnyj-proekt-s-x5-retail>, дата обращения: 15.05.2020). Эта формулировка показалась нам удачным «зонтиком» для рефлексии о геолокационных данных в целом.

получение информации, но и ее преобразование, а также возможность ею делиться (Кастельс, 2016). На сегодняшний день социальные сети стали одним из важнейших инструментов для общения и обмена информацией: согласно статистическим данным, на январь 2020 года в мире более 4,5 миллиарда человек пользуются Интернетом, среди них насчитывается более 3,8 миллиардов пользователей социальных сетей². Во многом это стало возможно благодаря активному развитию самостоятельных интернет-платформ, таких как Facebook, Instagram, Twitter и др.³ Сейчас социальные сети являются одним из самых популярных способов онлайн-пользователей проводить свое время, позволяя им оставаться в контакте с друзьями, семьей, а также следить за новостями и другим контентом. Как отмечает один из создателей приложения Instagram, фотография — это универсальное средство коммуникации⁴, а «фото и видео стали ключевой социальной онлайн-валютой» (Rainie et al., 2012). Отметим, что можно трактовать социальные сети широко, считая таковыми не только «классические» коммуникативные онлайн-площадки, но также и любые интерактивные онлайн-сервисы с возможностью делиться информацией, мнением, своими переживаниями и эмоциями в режиме онлайн.

Говоря о данных, производимых в социальных сетях, необходимо отметить три особенности. Во-первых, информация в социальных сетях размещается без участия исследователя. Отсутствие эффекта воздействия со стороны исследователя, который мог бы повлиять на результаты работы, является очевидным преимуществом. Во-вторых, автор в социальной сети выступает не только в роли агрегатора информации, но и может ее видоизменять. Иными словами, прежде чем информация попадает к исследователю, она подвергается обработке: «на входе» — конкретный человек ее каким-то образом воспринимает, и «на выходе» — человек посредством коммуникации пытается транслировать имеющееся у него знание. Поэтому, когда данные доходят до исследователя, они могут иметь искаженный характер, и анализу приходится подвергать не сами данные, но их авторские интерпретации. Тем не менее для

² Digital 2020: Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 11.05.2020).

³ Наиболее популярной социальной сетью в мире на апрель 2020 года является Facebook («Фейсбук»). Instagram («Инстаграм») занимает 6 строчку в мировом рейтинге с показателем в 1 миллиард активных пользователей, Twitter («Твиттер») занимает 14 позицию с 386 миллионами пользователей. *Источник*: Most popular social networks worldwide as of April 2020, ranked by number of active users (in millions). URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/> (дата обращения: 09.05.2020).

В России по данным на январь 2020 года социальными сетями пользуется 48% жителей, то есть практически половина населения страны. *Источник*: Digital 2020: the Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation> (дата обращения: 11.05.2020).

В России и на территории СНГ действует своеобразный аналог «Фейсбука» — социальная сеть «ВКонтакте», которая и является самой популярной российской социальной сетью. Второй по количеству пользователей социальной сетью в России является «Инстаграм», где за ноябрь 2019 года было зафиксировано более 27,5 миллионов активных пользователей. *Источник*: Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019 // Brand Analytics, URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/> (дата обращения: 10.05.2020).

⁴ Krieger M. Why Instagram Worked. A co-founder looks back at how a stalled project turned into a historic success // Backchannel. 2014. URL: <https://medium.com/backchannel/why-instagram-worked-45dbfeaa37c8> (дата обращения: 13.05.2020).

ряда исследовательских задач субъективное восприятие может быть единственно верным и необходимым видом данных. Третья особенность данных, производимых в социальных сетях, заключается в их мультиформатности: они состоят из видео- и аудиоматериалов, текстов и изображений, собранных пользователями. Человек, имея доступ к инструментам для массового общения, выражает и представляет себя в публичном пространстве, в Интернете, без посредничества профессионалов СМИ (Merra, 2013). Эта особенность социальных сетей, которая выражается в том, что контент и производится, и потребляется его пользователями, позволяет называть их не только сетями, но и новыми медиа (или социальными медиа) (Карякина, 2010).

Социальные сети являются средством массперсональной коммуникации (masspersonal communication), одной из характерных черт которой является высокий уровень ожидания отклика от получателя информации. Такой отклик необходим для установления коммуникативных отношений между отправителями и получателями (French, Bazarova, 2017). Иными словами, действия в рамках социальных сетей имеют особый социально-обусловленный характер. Например, для создания новости чаще выбирают фотографии с улыбками (то есть более привлекательные) для формирования положительного впечатления на аудиторию (Vernon et al., 2014). Визуальный формат данных, производимых в социальных сетях, обеспечивает высокую скорость передачи социальной информации (Westerman et al., 2008), так как порой проще что-то показать, чем описать словами.

Захария МакКьюн выделяет шесть видов мотивации пользователей социальных сетей (McCune, 2011): обмен (sharing), фиксация событий, наблюдение (seeing), включенность в сообщество, творчество и терапия. Мотивация *обмена* означает потребность в совместном переживании позитивных эмоций или совместном обсуждении какого-либо повода. *Фиксация событий* подразумевает потребность в сборе и сохранении визуальных свидетельств о происходящих событиях. *Наблюдение* — потребность «посмотреть глазами другого человека» и выразить свою собственную точку зрения для обмена мнениями. *Включенность в сообщество* — потребность почувствовать себя частью общности, аудитории, одним из участников социального взаимодействия. *Творчество* подразумевает потребность в площадке для проявления артистизма и проявления своих творческих наклонностей. Наконец, *терапия* — это мотив, присущий относительно небольшому количеству пользователей, которые воспринимают фотографии в социальной сети как способ снятия стресса и стимул для ощущения благополучия. Знание о преобладающей мотивации в каждом конкретном случае позволяет точнее понять специфику производимого контента.

Геотеггинг (geotagging): больше, чем техническая функция

Как уже отмечалось, одной из технических возможностей социальных сетей, полезной для городских исследований, является проставление *геолокации* (geolocation). Также для обозначения геолокации используют термин

геотег (*geotag*), или геометка. Наличие геотега позволяет привязать опубликованное сообщение (пост) к определенным географическим координатам: отмеченная геолокация показывает, где были сделаны или опубликованы фотографии, видео, текстовые записи. Современные смартфоны имеют встроенную функцию определения местоположения, поэтому геолокация проставляется почти автоматически. Однако за автором материала в соцсети остается выбор по уточнению (или искажению) геолокационных данных.

Геолокация, или геотег, по сути является одной из разновидностей тегов (меток), которые употребляются пользователями для характеристики размещенного контента. М. Эмес (M. Ames) и М. Наамэн (M. Naaman) разработали классификацию мотивации для создания тегов (Ames, Naaman, 2007). В основе их классификации лежат две шкалы: «индивидуальность — социальность» (направленность) и «организация — коммуникация» (функции). На попарном пересечении категорий конструируются разные типы мотивации. На пересечении индивидуальности и организационной функции (Self/Organization) появляется мотивация самоорганизации, т.е. налаживание некоторого порядка для себя. Пересечение индивидуальности и коммуникативной функции (Self/Communication) формирует мотивацию для создания определенного контекста для фото в виде памятной метки. На пересечении социальности и организационной функции (Social/Organization) мотивация состоит в том, чтобы сделать фото организованными и доступными для других, чтобы материалы могли быть легко обнаружены и происходила координация между участниками. Если раньше автор какого-либо информационного сообщения не имел возможности обеспечить ему широкое распространение без существенных дополнительных усилий, то сейчас достаточно быть интернет-пользователем, чтобы обнародовать свою «новость» и донести ее до широкой аудитории, а метки упорядочивают эти новости. Наконец, на пересечении социальности и коммуникативной функции (Social/Communication) формируется мотивация размещать метки непосредственно для коммуникации, для создания социальных сигналов. Можно сказать, что это составляющая *глобального информационного поля*, создаваемая непосредственно усилиями его пользователей (Кастельс, 2016). Таким образом, геометка — индикатор географического положения, который используется автором и для себя, и для других, в том числе как социальный сигнал.

Одним из примеров обмена социальными сигналами благодаря геолокационным меткам являются совместные действия людей одновременно в двух пространствах — физическом и цифровом, или же, в особых случаях, перенос социального действия в виртуальное пространство. Так, в апреле 2020 года в Москве и ряде других российских городов стихийно прошли виртуальные митинги, где участники присоединялись друг к другу в режиме флешмоба и критиковали различные аспекты периода самоизоляции и меры властей, предпринимаемые по этому поводу. Для участия достаточно было иметь на своем смартфоне приложение «Яндекс.Карты», где можно оставить произвольные комментарии (они называются «разговорчики»). Технически комментарий привязывается к той точке пространства, где человек находится

в данный момент (но при желании геометку можно перенести в другое место, как это и сделали участники виртуальных митингов, «собираясь» все вместе, см. рис. 1).

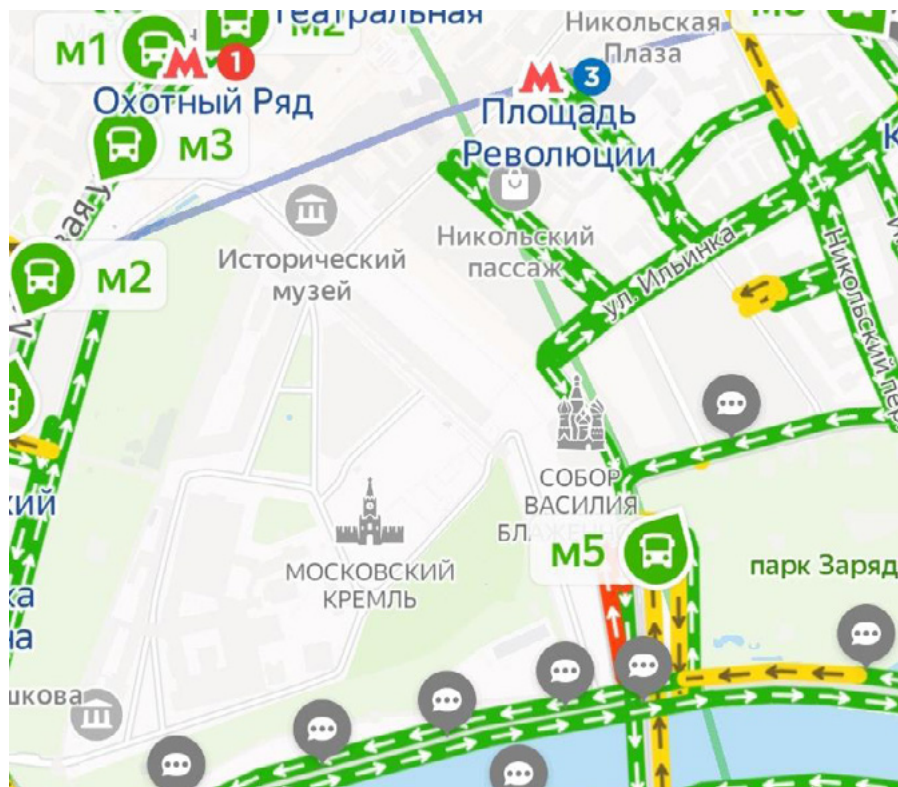

Рисунок 1. Виртуальные митинги в период самоизоляции, апрель 2020.

Источник: скриншот А. Стрельниковой из приложения на смартфоне «Яндекс.Карты».

На скриншоте запечатлен момент оставления участниками своих высказываний — «разговорчиков» (серые кружочки с многоточием) до их удаления администраторами сервиса, т.е. высказываний (и, соответственно, участников) было гораздо больше, чем удалось зафиксировать в снимке с экрана приложения. Пример с «разговорчиками» показывает, что геолокационные данные в общедоступных онлайн-сервисах поспособствовали массовой самоорганизации людей даже в условиях невозможности действий в физическом пространстве. Реальная возможность подобного действия в социальных сетях появляется тогда, когда эта среда приобретает понятную структуру, интерфейс и функционал и становится доступной для человека без специальной подготовки (Gozzi, 2001). С другой стороны, виртуальность акции не спасла ее от вполне типичной реакции: онлайн-митинги были разогнаны. В данном случае карту быстро очищали от комментариев и вводили запрет на комментирование. То есть социолог-наблюдатель должен был довольно быстро зафиксировать суть происходящего.

Если говорить об анализе повседневных практик, то наличие геометок (указания геолокаций) полезно при сборе информации об определенной местности или о людях, в ней пребывающих. Так, социальные медиа могут предложить социальную, культурную и политическую информацию о деятельности людей в определенных местах и периодах времени (Hochman, Manovich, 2013). Исследователи, проводившие анализ использования мобильных геотегов, выявили, что авторы таким образом либо сообщают информацию о самом месте (локации), либо хотя бы указывают это место (локацию), чтобы через него рассказать о себе (Humphreys, Liao, 2011), тем самым взаимодействуя не только со своей аудиторией подписчиков, но и непосредственно с самим местом, охарактеризовав место с помощью различного контента⁵. Иными словами, геометка дает характеристику размещаемому контенту, а контент, в свою очередь, характеризует местность, в которой он локализован.

Среди положительных особенностей геосоциальных данных часто выделяют то, что они а) представляют собой большие массивы данных, б) производятся самими пользователями социальных сетей, в) позволяют понимать значение городских мест для человека и, следовательно, самого социального пространства. Тем не менее существует и критика геолокационных данных как исследовательского ресурса. Перечислим основные позиции этой критики. Во-первых, геосоциальные данные о пользователях могут использоваться в коммерческих или политических целях, т.е. может возникнуть вопрос об этичности работы с такими данными. Во-вторых, геосоциальные данные не могут быть проанализированы вне контекста, т.е. сами по себе могут интерпретироваться только с точки зрения географической позиции (Quesnot, 2016). В-третьих, несмотря на масштабность данных социальных сетей, в отдельных случаях критика касается и недостатка количества достоверных геокодированных данных для каждой выборки. Или могут возникнуть сомнения относительно репрезентативности полученных результатов, а также возможности их применения к другим локациям (Martí et al., 2019).

Вероятно, можно возразить против некоторых из этих положений. Во-первых, конечно, пользователи выбирают геотег или возможность отслеживания геолокации на добровольной основе, то есть по какой-либо причине это важно для самих авторов (даже если они в итоге указывают недостоверное местоположение). Здесь мы можем упомянуть схожую ситуацию, возникающую при проведении качественных интервью — информант может сообщить недостоверный факт, но исследователю важен сам нарратив по поводу изложенного факта, а не то, в какой степени тот достоверен. Во-вторых, само содержание размещенного поста становится контекстом для данной геометки. В-третьих, несмотря на реальное присутствие деятельности бизнес-компаний, количество контента, генерируемого простыми пользователями, превалирует. Для конкретных исследовательских задач можно разделять контент по типу авторов, таким образом сортируя деятельность бизнеса и авторов личных

⁵ Можно сказать, что, предоставляя информацию про некоторое место и находясь в нем, отправитель становится элементом этого места.

страниц. В-четвертых, как мы увидим в дальнейших примерах, возможность переноса полученных результатов на другие совокупности зависит не только от характера данных, но в том числе и от поставленных целей исследования.

Возможности использования данных с геотегом для различных задач городского анализа

Как уже упоминалось, крайне важным преимуществом геосоциальных данных является их общемировая распространенность, которая позволяет говорить о возможности их сравнения на абсолютно разном уровне: от межстранового до локального внутригородского. При этом присутствие одной социальной сети с одинаковым функционалом и крайне схожим интерфейсом для исследователя может означать, что эти данные обладают однородными характеристиками вне зависимости от места их использования (в противовес, например, случаю использования государственной статистики как для страны, так и для отдельных городов, когда сам формат сбора статистических данных и их хранения разнится в зависимости от конкретного государства). Можно сказать, что социальные сети с функцией геотега позволяют проводить городские исследования как на внутригородском, так и межгородском, и межрегиональном уровне.

Например, уже в 2012 году, когда популярность социальных сетей начала активно расти, коллектив авторов из Великобритании провел исследование моделей городской мобильности людей в 34 мегаполисах по всему миру, задаваясь вопросом, уникальны ли характеристики мобильности конкретного города или во всех городских центрах проявляются какие-то универсальные тенденции (Noulas et al., 2012). Они использовали данные пользователей социальной сети Foursquare, которая на тот момент находилась в фазе активного роста. Одним из главных преимуществ для авторов исследования была возможность определения местоположения пользователя с точностью до десяти метров. Авторы пришли к выводу, что мобильность человека зависит не просто от физического расстояния между объектами. Важнее оказывается «ранговое расстояние»⁶, которое учитывает общее количество мест между точкой отправления и возможным местом назначения. С помощью полученной ранговой модели мобильности авторы отразили реальные перемещения людей в разных городах, подтвердив одно из своих предположений, что пройденное человеком расстояние определяется количеством возможностей в пределах этого расстояния, а не самим расстоянием. Оказалось, что при сравнении подобных моделей мобильности в разных городах вариативность

⁶ В данном исследовании авторы считали ранговое расстояние как возможность перехода из одной точки в другую. Вероятность осуществления перехода в какое-либо место уменьшается, когда число мест, находящихся ближе, чем потенциальный пункт назначения, увеличивается. Таким образом, мобильность человека обусловлена плотностью распределения объектов в пространстве, а не точным измерением длины дистанции. Чем выше ранговое расстояние, тем ниже вероятность перемещения.

носит незначительный характер. Еще одно важное заключение, к которому пришли авторы, состоит в том, что фактическое распределение передвижений в городе можно воспроизвести, используя в качестве входных данных только информацию о распределении мест в городе в связке с ранговыми предпочтениями мобильности.

В исследовании “Zooming into an Instagram city” (Hochman, Manovich, 2013), посвященном анализу и визуализации социальных и культурных паттернов на примере 13 крупнейших городов, авторы четко демонстрируют возможности перехода между разными уровнями анализа с использованием одних и тех же социальных сетей и их данных. Надав Хохман (Nadav Hochman) и Лев Манович (Lev Manovich), начав с широкого исследования в поисках визуальной близости между городами по всему миру, перешли к детальному изучению конкретного города и его пользователей⁷ в определенные периоды времени. Глобальность социальных сетей, большие массивы данных на самом деле могут служить не только для анализа глобальных явлений и мировых трендов, но и для анализа локального масштаба, деятельности конкретных людей в конкретной местности. По существу, возможности анализа широки настолько, что итоговый результат прежде всего зависит лишь от задачи исследования.

Рассмотрим пример, когда анализ проводился в нескольких городах одной страны. Речь идет об определении полицентричной структуры посредством применения нескольких видов пространственных данных с геотегом, среди которых были и местные социальные сети. Китайские исследователи на примере трех городов с различными природными и экономическими характеристиками: Пекина, Шанхая и Чунцина, — используя пространственно привязанные ночные световые изображения и отметки в социальной сети Weibo⁸, определяли местоположение центра и субцентров полицентричного города. Важный момент, который отметили авторы статьи, состоит в том, что данные социальных сетей продуцируются человеком. Человеческий фактор может порождать нестабильность даже таких обширных массивов данных. Для того чтобы избежать подобных неточностей в своем исследовании, они собрали данные социальных сетей за период в 396 дней и накопили 5,6 миллиона регистрационных записей в анализируемых городах, тем самым повышая пространственную стабильность данных (Cai et al., 2017).

В качестве примера внутригородского анализа можно привести исследование на основе данных Instagram, проведенное для Амстердама и Копенгагена (Boy, Uitermark, 2016). Джон Д. Бой (John D. Boy) и Юстус Уитермарк (Justus Uitermark) определили для каждого города несколько разных социальных

⁷ В городских исследованиях можно встретить такое словосочетание, как «пользователи города». Оно обусловлено тем, что город представляется в виде некоторого «продукта»: горожане пользуются его инфраструктурой и теми возможностями, которые он предоставляет. Отчасти появление этого термина связано с тем, чтобы не сводить объект изучения только к жителям города, но учитывать и тех, кто пребывает там временно.

⁸ Sina Weibo (кит. 新浪微博) — китайский сервис микроблогов, что означает «новая волна небольших сообщений».

групп с четко выраженными общими характеристиками и выявили наиболее частые места пребывания этих групп. Авторы использовали два набора данных постов Instagram с геотегом, собираемых в течение двенадцати недель через API⁹. Также ими обсуждается ряд ограничений, которые должны учитывать исследователи при использовании такого типа данных. Среди них было отмечено, что Instagram предоставляет сведения лишь об избранной части жизни пользователей этой сети, что означает возможность его использования только под конкретные задачи, напрямую связанные со спецификой размещаемого контента.

Также применению геосоциальных данных на внутригородском уровне было посвящено бакалаврское исследование одного из авторов данной статьи, Анастасии Буровой. Опираясь на гипотезу о том, что город как особая среда обитания вызывает определенный комплекс эмоциональных переживаний у его обитателей, была предпринята попытка анализа эмоций в различных городских локациях в Москве с дальнейшим созданием эмоциональной карты столицы. Методическая проблема заключалась в том, что эмоциональное восприятие городской жизни является латентной переменной и не может быть обнаружено в классических статистических данных. В то же время предполагаемый объем информации, возникающий при анализе крупнейшего города, не позволил обратиться к опросным методам. Поэтому эмпирической базой стали данные социальной сети Instagram, где основной контент представляет собой фотографии пользователей, и есть возможность проставления геотега. Специфика контента этой социальной сети позволила получить большое количество визуальной информации, избегая непосредственного влияния исследователя на информантов, при этом информация о многих местах Москвы была собрана одновременно.

При разработке методологии данного исследования было важно учитывать, что сложность понятия эмоций делает возможным одновременное существование множества исследований эмоций, порой противоречащего друг другу характера. Например, социология эмоций концентрируется на объяснении социальной природы возникновения и проявления эмоций (Симонова, 2016), а психология эмоций может рассматривать их как врожденные механизмы, которые заложены в каждом человеке на генетическом уровне (Rimé, 2016). В рамках данного исследования была предложена методика, в большей степени опирающаяся на психологический подход. Она позволила изучать эмоциональный фон различных районов города через фотографии, сделанные в этих районах. В исследовании была заложена гипотеза, что геометка опубликованной фотографии определяется пользователем преднамеренно для отождествления поста с конкретным местом в городе. Согласно выбранному подходу, (1) проявления эмоций можно обнаружить в выражении лица через лицевые экспрессии, (2) человек не искажает преднамеренно свои эмоции, и (3) выражение эмоций на лице имеет универсальное прочтение во многих

⁹ API — Application Programming Interface (интерфейс программирования приложений).

культурах (Ekman, 1973; Изард 1980)¹⁰. Такой подход, конечно, не учитывает длительность и силу внутренних переживаний, однако с помощью количества фотографий с определенным эмоциональным фоном позволяет вычислить «эмоциональный коэффициент» места (см. рис. 2).

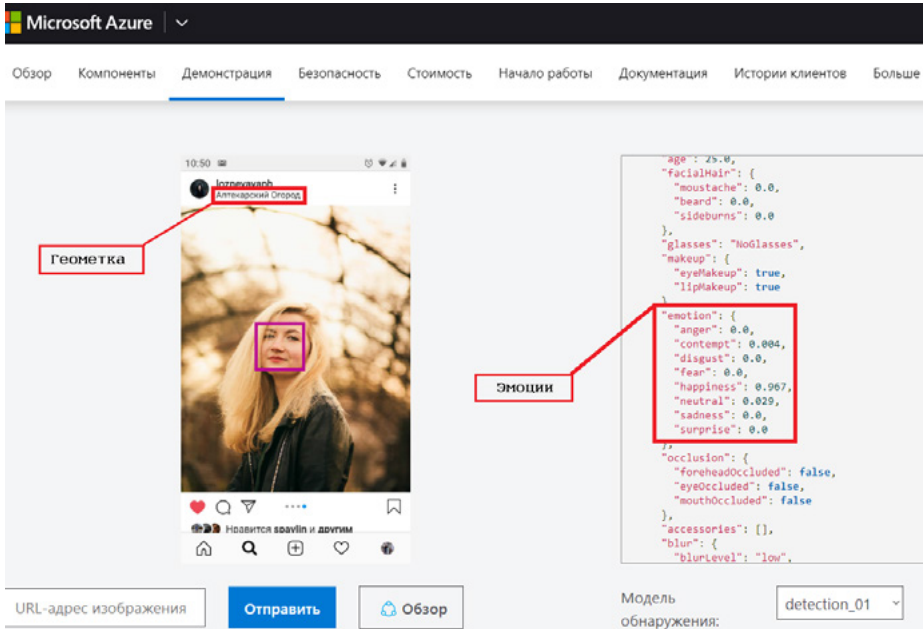

Рисунок 2. Демонстрация определения эмоционального окраса фотографии из Instagram с геометкой.

Источник: скриншот А. Буровой с демонстрационной страницы сервиса распознавания лиц Microsoft Azure. URL: <https://azure.microsoft.com/ru-ru/services/cognitive-services/face/#overview> (дата обращения: 20.05.2020).

Для анализа был разработан алгоритм, опирающийся на предоставляемые сервисом Instagram количественные данные¹¹. Алгоритм в ходе анализа составлял эмоциональную оценку изображения через лицевые экспрессии, затем совокупность фотографий, связанных с конкретным местом, позволяла определить его общий эмоциональный коэффициент. Далее производилась кластеризация всех геолокаций в соответствии с их эмоциональным коэффициентом, которая определила наборы геолокаций с позитивными, нейтральными и негативными эмоциями. Основным результатом стали примеры эмоциональной карты Москвы (см. рис. 3).

Цвет кружков на данном рисунке 3 соответствует тональности эмоций: от негативных (холодных — синий цвет) до позитивных (теплых — оранжевый цвет). Нейтральные эмоции обозначены белым цветом. По результатам

¹⁰ С другими подходами по изучению городских эмоций можно ознакомиться, например, в работе "Emotional Cartography" (Emotional..., 2009).

¹¹ За помощь в разработке программы авторы выражают благодарность В. И. Никонову, ФИЦ ИУ РАН.

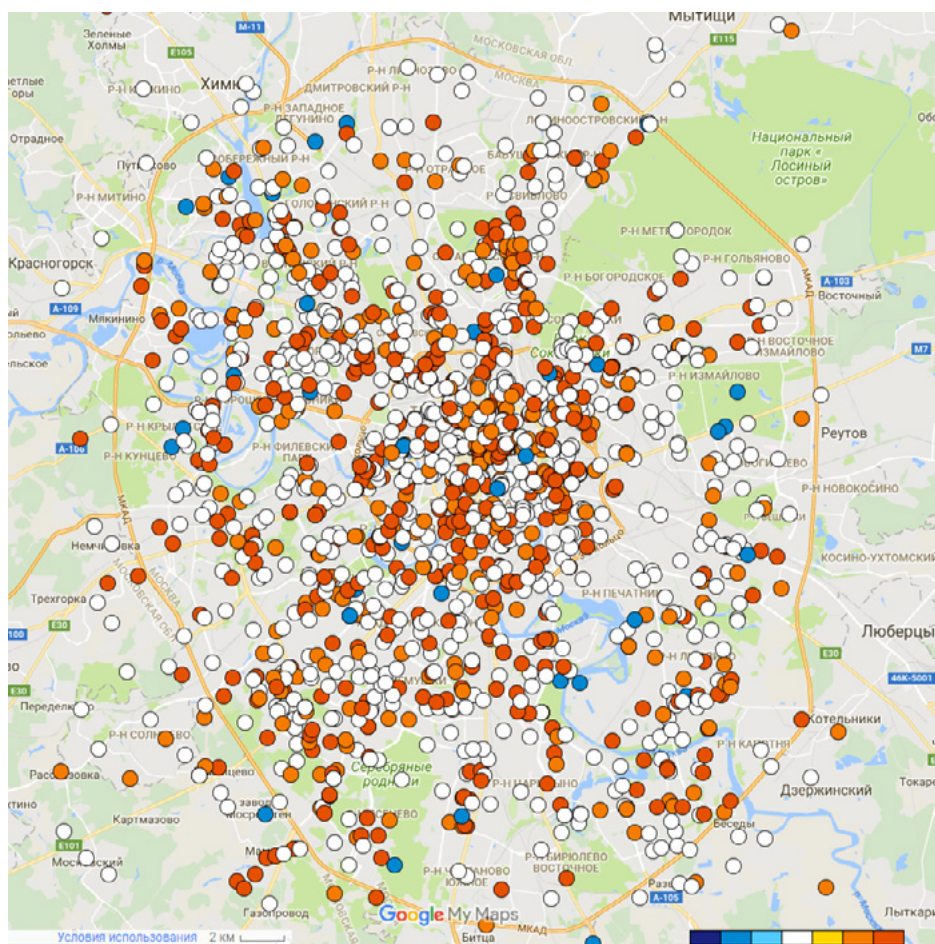

Рисунок 3. Пример эмоциональной карты Москвы.

Источник: Бурова А. Эмоциональное восприятие ландшафта современного мегаполиса (на примере Москвы): выпускная квалификационная работа. НИУ ВШЭ, 2018. Подготовлено с использованием сервиса Google My Maps. URL: <https://www.google.com/maps/about/mymaps/> (дата обращения: 20.05.2018).

анализа было определено, что имеется ограниченное количество устойчивых эмоциональных географических локаций, и многие из них изменяют свой «эмоциональный окрас» в зависимости от используемого набора данных. Тем не менее были обнаружены эмоционально насыщенные места, а также наличие многочисленных нейтральных зон. Сочетание визуальной информации из фотографий с пространственной привязкой к конкретным местам позволило составить первичное целостное представление о пространственном распределении эмоций в столице. Например, с наибольшей частотой позитивные эмоции имеют привязку к таким местам, как торговые центры и парки отдыха, а негативные эмоции располагаются обособленно, на улицах без большого количества публичных мест. Полученную эмоциональную карту в дальнейшем удалось использовать не только как самостоятельный

результат, но и для дополнения других исследований, посвященных изучению городского пространства Москвы.

Отметим, что существуют и другие способы составления эмоциональных карт. Например, в проекте Imprecity, созданном в рамках программы «Умный город Санкт-Петербург», каждому пользователю предлагается поставить смайлик, выражающий его эмоцию в той или иной точке пространства северной столицы, и при желании сопроводить смайлик комментарием¹². В этом случае у исследователя имеется возможность узнать о причинах выбора именно этой эмоции. К недостаткам метода можно отнести необходимость для пользователей подключаться к отдельному картографическому сервису и оставлять эмоциональные геометки именно там, т.е. эти данные не в полной мере являются нереактивными. Основатели проекта пытаются это преодолеть, предлагая пользователям общаться с единомышленниками, приходить и выражать эмоции вместе с друзьями, т.е., по сути, действовать так же, как это было бы в социальной сети. Среди других подобных проектов можно назвать “Urban emotions”¹³.

Заключение

Геолокационные данные с учетом всех описанных выше особенностей могут выступать в качестве продуктивного источника данных. В то же время имеется некоторое опасение, что вместе с ростом объемов доступных данных будут расти и ограничения в их использовании. Когда популярность исследований с использованием геометок будет велика, пользователи, скорее всего, почувствуют эффект присутствия исследователя.

Дополняя данные из социальных сетей или обеспечивая пространственную привязку пользователей различных онлайн-ресурсов, геометки позволяют осуществлять территориальные подвыборки данных и локализовать различные проявления онлайн-активности применительно к конкретному пространству. Незримый картографический слой, сопровождающий виртуальные высказывания, образы и действия, позволяет решать новые задачи и дополнять интерпретации. Для всех исследователей, работающих с пространством, это безусловно заманчивая возможность. Поэтому геосоциальные данные для городских исследователей — это все еще не всегда типичный, но уже достаточно популярный источник информации, касающийся не только поведения людей в пространстве, но и самого пространства, будь то внутригородской или межгородской уровень анализа. В зависимости от поставленной цели исследования имеется возможность выбирать те социальные сети с геотеггингом, контент которых наиболее точно ей соответствует. В случае необходимости геосоциальные данные из разных социальных сетей могут дополнять друг друга, воспроизводя более целостную картину.

¹² URL: <http://imprecity.tilda.ws> (дата обращения: 01.05.2018).

¹³ URL: <http://urban-emotions.com> (дата обращения: 14.03.2018).

Литература

Изард К. Е. Эмоции человека / Пер. с англ.; под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. М.: МГУ, 1980.

Карякина К. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/524> (дата обращения: 23.04.2018).

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2016.

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2016. № 4. С. 12–27.

Ames M., Naaman M. Why We Tag: Motivations for Annotation in Mobile and Online Media // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2007. P. 971–980. DOI: <https://doi.org/10.1145/1240624.1240772>

Boy J. D., Uitermark J. How to Study the City on Instagram // PloS one. 2016. Vol. 11. № 6. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0158161>

Cai J., Huang B., Song Y. Using Multi-Source Geospatial Big Data to Identify the Structure of Polycentric Cities // Big Remotely Sensed Data: tools, applications and experiences. 2017. № 202. P. 210–221. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rse.2017.06.039>

Ekman P. Cross-Cultural Studies of Facial Expression // Darwin and Facial Expression: A Century of Research in Review / Ed. by P. Ekman. NY: Academic Press, 1973. P. 169–222.

Emotional Cartography: Technologies of the Self / Ed. by C. Nold. L.: Space Studios, 2009.

French M., Bazarova N. N. Is Anybody Out There? Understanding Masspersonal Communication Through Expectations for Response Across Social Media Platforms // Journal of Computer-Mediated Communication. 2017. Vol. 22. № 6. P. 303–319. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12197>

Gozzi R. A Brief History of Internet Time // ETC: A Review of General Semantics. 2001. Vol. 58. № 4. P. 470–476.

Hochman N., Manovich L. Zooming into an Instagram City: Reading the Local through Social Media // First Monday. 2013. Vol. 18. № 7. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v18i7.4711>

Humphreys L., Liao T. Mobile Geotagging: Reexamining Our Interactions with Urban Space // Journal of Computer-Mediated Communication. 2011. Vol. 16. № 3. P. 407–423. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2011.01548.x>

Martí P., Serrano-Estrada L., Nolasco-Cirugeda A. Social Media Data: Challenges, Opportunities and Limitations in Urban Studies // Computers, Environment and Urban Systems. 2019. № 74. P. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compenurbsys.2018.11.001>

McCune Z. Consumer Production in Social Media Networks: A Case Study of the “Instagram” iPhone App. Master’s dissertation. Cambridge: University of Cambridge, 2011.

Merra L. Pour une sociologie des médias sociaux. Internet et la révolution médiatique: nouveaux médias et interactions. Doctoral dissertation. Paris: Paris Sorbonne Cité-Paris Descartes, 2013. Noulas A., Scellato S., Lambiotte R., Pontil M., Mascolo C. A Tale of Many Cities: Universal Patterns in Human Urban Mobility // PLoS ONE. 2012. Vol. 7. № 5. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0037027>

Quesnot T. L’involution géographique: des données géosociales aux algorithmes // Netcom. Réseaux, communication et territoires. 2016. № 30 (3/4). P. 281–304. DOI: <https://doi.org/10.4000/netcom.2545>

Rainie L., Brenner J., Purcell K. Photos and Videos as Social Currency Online // Pew Internet & American Life Project. 2012. URL: <http://www.pewinternet.org/2012/09/13/photos-and-videos-as-social-currency-online/#> (дата обращения: 13.05.2018).

Rimé B. L’émergence des émotions dans les sciences psychologiques // L’Atelier du Centre de recherches historiques [En ligne]. 2016. № 16. DOI: <https://doi.org/10.4000/acrh.7293>

Vernon R. J., Sutherland C. A., Young A. W., Hartley T. Modeling First Impressions from Highly Variable Facial Images // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. № 32. P. E3353–E3361. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1409860111>

Westerman D., van der Heide B., Klein K. A., Walther J. B. How Do People Really Seek Information About Others? Information Seeking across Internet and Traditional Communication Channels // Journal of Computer-Mediated Communication. 2008. № 13. P. 751–767. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2008.00418.x>

Дата поступления: 01.05.2020

Geolocation for Research Purposes: Geotags as a Data Source

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.4

Anna Strelnikova, Anastasia Burova

Strelnikova Anna — Candidate of Sociology, Associate professor, HSE University; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, astrelnikova@hse.ru.

Burova Anastasia — Master's student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, aaburova.13@gmail.com

The worldwide spread of social networks provides new opportunities to collect data for various applied research. The geotagging function, which is present in most social networks, is extremely useful in the case of spatial research. For urban researchers, this is more than just an opportunity to collect a huge amount of information about the behavior of people in space, but also to analyze the space itself. However, this type of data has both significant advantages and limitations. The article includes highlighting the most significant characteristics that urban researchers need to consider working with social networks: their volume (the ability to work with them as big data), non-reactivity (they are reproduced by the users themselves) and additional interpretations (they allow us to understand the meanings of certain elements of space for individual individuals or groups). The authors also illustrate the research opportunities provided by online data in combination with geotagging with various empirical examples.

Keyword: social network; geotagging; geolocation; urban studies

References

- Ames M., Naaman M. (2007) Why We Tag: Motivations for Annotation in Mobile and Online Media. *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. P. 971–980. DOI: <https://doi.org/10.1145/1240624.1240772>
- Boy J. D., Uitermark J. (2016) How to Study the City on Instagram. *PLoS one*. Vol. 11. No. 6. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0158161>
- Cai J., Huang B., Song Y. (2017) Using Multi-Source Geospatial Big Data to Identify the Structure of Polycentric Cities. *Big Remotely Sensed Data: tools, applications and experiences*. No. 202. P. 210–221. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rse.2017.06.039>
- Castells M. (2016) *Vlast' komunikacii* [Communication power]. M.: HSE. (In Russ.)
- Ekman P. (1973) Cross-Cultural Studies of Facial Expression In: Ekman P. (ed.) *Darwin and Facial Expression: A Century of Research in Review*. NY: Academic Press. P. 169–222.
- French M., Bazarova N. N. (2017) Is Anybody Out There? Understanding Masspersonal Communication Through Expectations for Response Across Social Media Platforms. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 22. No. 6. P. 303–319. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12197>
- Gozzi R. (2001) A Brief History of Internet Time. *ETC: A Review of General Semantics*. Vol. 58. No. 4. P. 470–476.

Hochman N., Manovich L. (2013) Zooming into an Instagram City: Reading the Local Through Social Media. *First Monday*. Vol. 18. No. 7. DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v18i7.4711>

Humphreys L., Liao T. (2011) Mobile Geotagging: Reexamining Our Interactions with Urban Space. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 16. No. 3. P. 407–423. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2011.01548.x>

Izard K. (1980) *Emocii cheloveka* [Human Emotions] / Ed. by L. Ya. Gozman, M. S. Egorova. M.: MGU. (In Russ.)

Karyakina K. (2010) Aktual'nye formy i modeli novykh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta [Actual forms and models of new media: from understanding the audience to creating content]. *Mediascope*. No. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/524> (accessed 23 April 2018). (In Russ.)

Martí P., Serrano-Estrada L., Nolasco-Cirugeda A. (2019) Social Media Data: Challenges, Opportunities and Limitations in Urban Studies. *Computers, Environment and Urban Systems*. No. 74. P. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2018.11.001>

McCune Z. (2011) *Consumer Production in Social Media Networks: A Case Study of the 'Instagram' iPhone App*. Master's dissertation. Cambridge: University of Cambridge.

Merra L. (2013) *Pour une sociologie des médias sociaux. Internet et la révolution médiatique: nouveaux médias et interactions*. Doctoral dissertation. Paris: Paris Sorbonne Cité-Paris Descartes.

Nold C. (ed.) (2009) *Emotional Cartography: Technologies of the Self*. L.: Space Studios.

Noulas A., Scellato S., Lambiotte R., Pontil M., Mascolo C. (2012) A Tale of Many Cities: Universal Patterns in Human Urban Mobility. *PLoS ONE*. Vol. 7. No. 5. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0037027>

Quesnot T. (2016) L'involution géographique: des données géosociales aux algorithmes. *Netcom. Réseaux, communication et territoires*. No. 30 (3/4). P. 281–304. DOI: <https://doi.org/10.4000/netcom.2545>

Rainie L., Brenner J., Purcell K. (2012) Photos and Videos as Social Currency Online. *Pew Internet & American Life Project*. URL: <http://www.pewinternet.org/2012/09/13/photos-and-videos-as-social-currency-online/#> (accessed 13 May 2018).

Rimé B. (2016) L'émergence des émotions dans les sciences psychologiques. *L'Atelier du Centre de recherches historiques [En ligne]*. No. 16. DOI: <https://doi.org/10.4000/acrh.7293>

Simonova O. A. (2016) Bazovyye printsipy sotsiologii emotsiy [Sociology of emotion: the main principles]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya. 12. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 4. P. 12–27. (In Russ.)

Vernon R. J., Sutherland C. A., Young A. W., Hartley T. (2014) Modeling First Impressions from Highly Variable Facial Images. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 111. No. 32. P. E3353–E3361. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1409860111>

Westerman D., van der Heide B., Klein K. A., Walther J. B. (2008) How Do People Really Seek Information about Others? Information Seeking across Internet and Traditional Communication Channels. *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 13. P. 751–767. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2008.00418.x>

Received: 01.05.2020

Рецензии и обзоры

«Чувство неравенства»: что такое субъективное неравенство и как его изучать

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.5

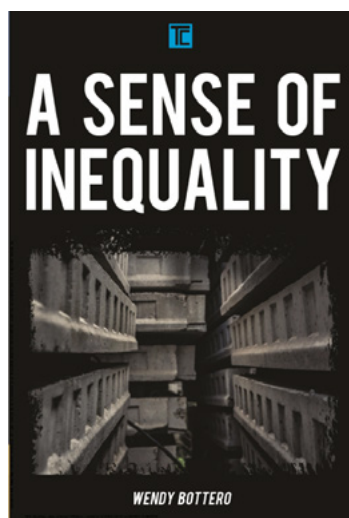
Ссылка для цитирования:

Полухина Е. В. «Чувство неравенства»: что такое субъективное неравенство и как его изучать // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 2. С. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.5>

For citation:

Polukhina E. V. (2020) "A Sense of Inequality": What Does the Subjective Inequality Mean and How to Study It. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.5>

Елизавета Полухина*

Рецензия на книгу Wendy Bottero "A Sense of Inequality". London: Rowman & Littlefield. 2019.

ISBN 9781783487868 (cloth)

ISBN 9781783487875 (paperback)

ISBN 9781783487882 (epub)

* Полухина Елизавета — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», epolukhina@hse.ru.

Представлена рецензия на книгу социолога Венди Боттеро “A Sense of Inequality” («Чувство неравенства»). Автор книги занимает позицию Reader in Sociology в Манчестерском университете (Великобритания).

Венди Боттеро призывает читателя смотреть на феномен неравенства шире — через социальные механизмы, которые связывают индивидов повседневными обязательствами и ограничениями. Одновременно с более широким пониманием неравенства В. Боттеро настаивает на «методологическом локализме», то есть необходимости изучать «локальное», личное, местное неравенство, «носителем» которого является сам индивид. Она аргументирует это тем, что люди, как правило, «знают» и четче осознают неравенство, реализуемое в их собственной повседневной жизни, в их социальном контексте, ближнем круге общения. В свою очередь, относительно объективных, «удаленных» от индивида форм и проявлений неравенств люди обладают ограниченным видением (*restricted visions*).

Автор заключает, что объективное неравенство не имеет прямого отношения к социальному недовольству. Мнения о неравенстве, выявленные в ходе количественных опросов, отражают абстрактный взгляд на его понимание. Поэтому ключевым концептом книги выступает «субъективное неравенство» — специфическое чувство индивидов, возникающее через множество неравноправных социальных отношений, влекущих за собой вопросы подчинения, неравных возможностей и статусов.

Данная книга позволяет широкому кругу читателей быть более рефлексивными в отношении повседневного неравенства, участниками которого мы все отчасти являемся. Для социальных исследователей книга будет особенно ценна, так как предлагает современный теоретический каркас и основу для программы эмпирических исследований. На высоком теоретическом уровне книга показывает социальную механику ключевого социального феномена — неравенства, указывает на познавательную силу изучения феноменов на локальном уровне индивидов.

Ключевые слова: субъективное неравенство; локальное неравенство; чувство неравенства; социальные иерархии; социальные отношения; методологический локализм

Введение

В конце 2019 года вышла в свет книга социолога Венди Боттеро “A Sense of Inequality” («Чувство неравенства»). Книга издательства Rowman & Littlefield International является частью международной серии “Transforming Capitalism”¹⁵ — это открытая платформа для публикации новаторских работ

¹⁵ Сайт издательства Rowman & Littlefield International с описанием серии “Transforming Capitalism”. URL: <https://www.rowmaninternational.com/our-books/series/transforming-capitalism> (дата обращения: 15.04.2020).

по различным дисциплинам (социология, география, культурология, экономика, антропология, право и др.). Как указано в самом начале, данная серия нацелена на осмысление и критическое понимание капитализма через призму четырех направлений: *кризис, развитие, неравенство и сопротивление*. Идея издательской серии заключается в том, что современный мир находится в состоянии трансформаций, которые могут опираться на опыт перемен и конфликтов, а также потенциально производить новые формы кризиса, развития, неравенства и сопротивления. Благодаря такому подходу серия «предупреждает» читателей о непрерывном развитии капитализма, «намекает» на возможные способы его преобразования через действия, провоцирует дебаты в научной среде.

Автор книги занимает позицию *Reader*¹⁶ in Sociology в Манчестерском Университете (Великобритания). Венди Боттеро (1965 года рождения) изначально изучала социальные и политические науки в Кембриджском университете, защитила кандидатскую диссертацию в Эдинбургском университете, далее преподавала в университетах Абертей, Данди, Саутгемптона. Она работает в Манчестере с января 2006 года, где в 2013–2016 годы возглавляла направление социологии. Научными интересами Венди Боттеро являются вопросы концептуализации стратификации и неравенства, социальной мобильности и социального воспроизводства, социальные связи, взаимодействия, идентичности и социальные различия¹⁷. Ее интересует социальная иерархия и то, как неравенства опосредованы социальными связями¹⁸. Труд “A Sense of Inequality” является результатом ее многолетних исследований. Автор задолго до выхода книги опубликовала широко цитируемые теоретические статьи по тематике неравенств, социальных структур и иерархий (Bottero, 2012; Bottero, Crossley, 2011; Bottero, Irwin, 2003).

Книга представляет «плотный» теоретический текст, написанный в жанре критической социальной науки. Автор полемизирует с такими классиками социальной мысли, как К. Маркс, П. Бурдьё, М. де Серто, Л. Болтански, используя множество теоретических идей и последовательно аргументируя свои тезисы. Книга напоминает не только программу исследования, где в первых параграфах говорится о «настройке оптики» и подходе к изучению неравенства, но и своеобразное руководство к социальному действию. Последнее обычно свойственно авторам критической социальной науки и является их сильной стороной.

Работа продолжает глобальный исследовательский тренд на изучение «субъективного» в социальных явлениях — того, что индивид знает и чувствует на основе личного опыта. Субъективное благополучие (Veenhoven, 2008),

¹⁶ В Британии позицию Reader занимают заслуженные академические работники с международной репутацией. Должность Reader считается более «высокой», чем позиция доцента, но ниже, чем позиция профессора.

¹⁷ Биографическая справка об авторе взята с ее личной страницы на сайте Манчестерского университета. URL: [https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/researchers/wendy-bottero\(4eee10f2-ec6f-4be4-8ffb-b5c3266f998e\).html](https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/researchers/wendy-bottero(4eee10f2-ec6f-4be4-8ffb-b5c3266f998e).html) (дата обращения: 07.04.2020).

¹⁸ Там же.

субъективная или даже символическая социальная мобильность (Walker, 2015; Социальная мобильность..., 2019) становятся ключевым предметом изучения и способом понимания общественных процессов. Дополняет тренд «о субъективности» развивающаяся в последние годы *социология эмоций* как поле для изучения коллективных чувств, рисков эмоционального отчуждения, различных форм солидарности и сопротивления корпоративной культуре (Hochschild, 2003; Симонова, 2013).

Структура рецензируемой книги состоит из восьми глав. Первые главы описывают современное состояние неравенства как глобального феномена, социальную логику его «искаженного» восприятия; дальнейшие главы показывают неравенство как социальный механизм, как оно «работает», какие коллективные действия может провоцировать (эмоции, протест и сопротивление); заключительные главы 7 и 8 демонстрируют теоретическую рамку для анализа неравенства и возможные практики работы с ним.

Субъективное неравенство и методологический локализм

Сегодня основные дебаты ведутся вокруг экономического неравенства — неравного распределения доходов, имущества и других ресурсов (Пикетти, 2015). Неравенство обычно понимается как разница в получении благ и возможностей. Однако, как указывает В. Боттеро на первых страницах своей книги, неравенство в ресурсах неразрывно связано с социальными иерархиями, неравенством в области безопасности, охраны, а также других сферах (р. 10).

В начале книги читателю сообщается, о каком именно типе неравенств идет речь — о «*субъективном*» неравенстве, широком социологическом понятии, непосредственно связанном с экономическими ресурсами. *Субъективное неравенство* понимается как множество неравноправных социальных отношений, влекущих за собой вопросы подчинения, неравных возможностей и статусов, ограничений в рамках социальных договоренностей (р. 11). *Субъективное неравенство* — специфическое чувство индивидов, возникающее через отношения, иерархии, восприятие, ценности, убеждения, проявление несправедливости и унижения, борьбу посредством протеста, сопротивления, а также через более молчаливые и эффективные способы, посредством которых люди познают и чувствуют мир (pp. 1–2, 10).

Автор призывает смотреть шире на феномен неравенства — понимать, как люди становятся связанными социальными механизмами обязательств и ограничений (р. 15). Но одновременно с более широким пониманием неравенства В. Боттеро настаивает на «*методологическом локализме*», то есть необходимости изучать именно «*локальное неравенство*» индивидов. Она аргументирует это тем, что люди, как правило, лучше осознают «локальное» неравенство их собственной жизни в их социальном контексте. В свою очередь, относительно «удаленных» форм неравенств индивиды обладают ограниченным видением (restricted visions, р. 15–16, глава 1).

Во второй главе книги В. Боттеро продолжает рассуждать о том, что формирует восприятие неравенства и отношение к нему. В главе среди прочих исследований восприятия экономического неравенства приводится пример США, согласно которому искаженное представление индивидов о доходах в обществе было связано с их высоким уровнем дохода и одновременно узкой референтной группой — районных соседей с четкой сегрегацией по доходам, в то время как как респонденты из разнородных социальных слоев были более чувствительны к неравенству доходов (р. 44).

Автор заключает, что объективное (по сути «удаленное») неравенство не имеет прямого отношения к социальному недовольству. И мнения о неравенстве, выявленные в ходе количественных опросов, предлагают довольно абстрактный взгляд на его понимание. Представления людей о неравенстве в некоторой степени формируются под влиянием институциональных режимов, политических дебатов и дискуссий в средствах массовой информации, которые указывают не только на видимость, но и на приемлемость неравенства, тем самым легитимируя его. Соглашусь, что данные опросов отражают скорее сформированные институтами представления индивида о разных аспектах неравенства, чем сообщают о реальном опыте индивида.

Однако индивиды более восприимчивы к личным неравенствам — в ситуациях, в которых они оказываются лично и в которых они должны ежедневно ориентироваться (р. 52). Поэтому из исследований, учитывающих контекст и среду обитания индивидов, становится ясно, что люди четко осознают, как неравенство сказывается на их повседневности и жизненных заботах. В. Боттеро подчеркивает, что вопросы справедливости и возможностей актуализируются, когда люди оценивают, как неравенство влияет на их собственные перспективы и усилия, возможности получения достойных рабочих мест, доступ к качественному образованию и здравоохранению. Одновременно с этим люди осознают «чувство неравенства» через артикуляцию собственных проблем. Поэтому индивиды, как правило, более осведомлены и обеспокоены «локальным» неравенством в их собственной жизни и ближайшем окружении (р. 53).

В. Боттеро объясняет, почему объективное неравенство оказывается нераспознанным (*misrecognised*). Она анализирует ряд эмпирических работ по изучению отношения индивидов к экономическому неравенству, которые показывают, что ответы людей ограничены в силу их социального положения, а также могут значительно исказить представления о его масштабе (р. 57). С одной стороны, люди сосредоточены преимущественно на локальных проблемах и текущих событиях, и поэтому их видение и знания ограничены. С другой стороны, неравенство структурирует повседневную жизнь, поэтому индивиды, сравнивая и рассуждая о нем, делают это относительно людей из своего окружения, занимающих сходные социальные позиции. По мнению части аналитиков, все это маскирует существующий масштаб неравенства и объясняет его нивелирование (р. 57, 3 глава).

Неравенство как механизм социального взаимодействия

В главе «Аффективное неравенство» В. Боттеро переосмысливает эмоциональное измерение неравенства, рассматривая случаи, когда неравенство вызывает несогласие, гнев, негодование, борьбу за признание, уважение и достоинство (р. 89). Выдвигается тезис о том, что люди обладают способностью развивать ценности и моральные принципы в противовес доминирующим. Автор выделяет три условия для «настройки оптики», отличной от доминирующих ценностей: *значительное* число участников — основа значимости и законности события; способность *критической рефлексивности* в отношении социального устройства со стороны «обычных» людей; *эмоции* — неуважение и стигматизация как мощные аффективные силы, генерирующие несогласие и борьбу (р. 114–115).

Интересно, как В. Боттеро (р. 94) оспаривает идею П. Бурдьё о том, что неоднородный/«разорванный» (torn) габитус негативен для индивида и свидетельствует о неудачной адаптации, провоцирует чувства страха и неуверенности (Bourdieu et al., 1999: 511). Боттеро, опираясь на работы других исследователей, выдвигает тезис, что концепция П. Бурдьё недооценивает возможности индивида быть «между двух социальных миров», успешно совершать field-crossing и получать от этого положения основу для рефлексии, самоанализа, создавать новые самобытные структуры, а также «пространства новых культурных возможностей» (р. 93–94). Автор многократно подчеркивает важность рефлексивности индивидов в существующих неравных социальных отношениях (глава 4).

В дальнейших главах *о протесте и противостоянии неравенству* социолог показывает, что отношения неравенства и подчинения можно воспроизводить без символического господства и перед лицом «народного несогласия». Однако В. Боттеро обращает внимание, что многие исследователи не согласны с ее выводом. Она также подчеркивает необходимость внимательно *анализировать «сопротивляющееся» поведение людей*, их практики самозащиты и деятельность по нарушению существующих правил. Этот анализ важно осуществлять с учетом особенностей среды обитания индивидов, их повседневных забот и контекстов деятельности, в их терминах, так как эти сопротивления проявляются как часть борьбы за решение их проблем (р. 173).

В заключительных главах исследователь отмечает, что чувство неравенства возникает по мере того, как люди начинают ориентироваться в различных ситуациях принуждения. Она подробно описывает *чувство неравенства*: «... это ощущение недостатка ресурсов и низкий статус, неуверенность в себе и подчиненность, часто переживаемые как чувство обязательств и ограничений, как страх и тревога о том, как справиться с ситуацией; чувство отсутствия выбора и ситуаций, которые мы не можем контролировать; это чувство нашей неспособности прожить свою жизнь так, как мы хотим, и необходимость делать то, что мы делаем, <...> это ощущение того, что миром управляют могущественные и отдаленные от нас люди, непонятные нам; чувство вынужденного смирения с неуважением, унижением; чувство отсутствия альтернатив и идеи

о том, что мы не в состоянии изменить нашу ситуацию; ощущение того, что «ты никогда ничего по-настоящему не изменишь»» (р. 218).

Книга завершается тезисом о том, что появившееся чувство неравенства — начало решения проблем индивидов. Подобно терапевтическому принципу — проблема обозначена, значит, будет и решение. В. Боттеро описывает неравенство как ощущение (чувство) возмущения и гнева, несправедливости, чувство того, что «мы не можем позволить этому существовать». Но это не исключает других форм деятельности, направленных на изменение среды через адекватную критику или сопротивление. И такие действия зависят от воли индивидов, их ресурсов и возможностей (р. 218).

Основываясь на своем исследовательском опыте, соглашусь, что «чувство неравенства» локально, а в постсоветских реалиях обостряется в неоднородной среде. Поэтому жилые кварталы проектировались ранее и проектируются сейчас с однотипным жильем для совместного проживания людей, социально близких друг другу. Наиболее уязвимы джентрифицируемые территории, где «старые» группы сменяются «новыми». Жителям надо договариваться о новых правилах совместной жизни, происходит постепенное вытеснение и осознание своей позиции относительно других.

Замечу, что контрастные, неоднородные среды возникают, к примеру, в южных городах. Это города, лишённые производства и живущие туристической экономикой с сервисными работниками и прекарным типом занятости. По сути, такие работники представляют «обслуживающий» класс, лишены социальных гарантий и привилегий. Они принимают в свои города столичных туристов и жителей благополучных территорий, которые статусом, поведением — возможно, невольно, — демонстрируют свою привилегированную позицию «хозяина». Некоторые привилегированные туристы становятся жителями южных территорий. В таких городах механизм слухов работает оперативно, и за несколько поездок от таксистов можно узнать о местной жизни публичных людей, текущую политическую повестку, причины некоторых важных решений для страны. А главное — услышать ключевые паттерны дискурса о неравенстве, самоощущении местных жителей как «обслуживающих», ограниченных в возможностях в сравнении с приезжающим классом.

У меня как читателя книги появляется вопрос: приравнивается ли «чувство неравенства» к «чувству несправедливости», или между ними есть различия? *«Я чувствую, что с нами поступили/поступают несправедливо»* — распространенная, понятная дискурсивная и эмоциональная практика граждан. Отчасти для актуализации такого коллективного чувства «несправедливости» в медиа появляется контент, показывающий бедность и незащищенность одних групп в противовес роскоши и излишнему достатку привилегированных. Это коллективное «чувство несправедливости» является средой для протестного движения.

Термин «чувство несправедливости» мне представляется более уместным для описания эмоций в отношении разнообразных форм неравенств. Термин «неравенство» широк, абстрактен, повсеместен, так как пространство почти всегда иерархизировано. Концепт «несправедливость» как раз

указывает на общественные представления о «справедливости», норме, должном, порядке и отсылает к конкретной ситуации, субъектам действия, эмоциям. Таким образом, мне видится, что отчасти структурное неравенство является условием, контекстом для появления субъективного «чувства несправедливости». Таким образом, «неравенство» является предпосылкой, а «несправедливость» — именно чувством.

Несмотря на обозначенный и симпатичный мне «методический локализм» как принцип изучения неравенства, данную книгу лишь отчасти можно назвать программой для исследования. Она скорее концептуализирует и переопределяет ключевые термины, вскрывает механизмы, показывает возможные формы сопротивления неравенству, но не предлагает методический арсенал для его изучения. Автор, будучи теоретиком, и не ставит перед собой такую задачу.

Вероятно, отчасти поэтому В. Боттеро использует вторичные эмпирические данные, избегая собственных полевых примеров. Хотя их (живописных и живых) я ожидала в книге, наверное, больше всего. А ведь дискурсы о неравенстве, его визуализацию в различных контекстах можно раскрыть через многообразие проективных методик, в том числе во время интервью (ментальные изображения «общество как дом», неоконченные предложения из серии «я чувствую неравенство, когда...»). Подобные идеи, на мой взгляд, могут стать базой для масштабных эмпирических исследований по изучению неравенств, пониманию их природы, а в случае повторных исследований — динамики движения обществ.

В целом книга В. Боттеро позволяет всем нам как читателям четче понимать феномен повседневного неравенства. Для социальных исследователей она будет особенно ценна, так как предлагает современный теоретический каркас, показывает социальную механику ключевого социального явления — неравенства и актуализирует познавательную силу его изучения на уровне индивидов.

Литература

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2015.

Симонова О. А. Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. П. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 339–354.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / Отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019.

Bottero W., Crossley N. Worlds, Fields and Networks: Becker, Bourdieu and the Structures of Social Relations // Cultural Sociology. 2011. Vol. 5. № 1. P. 99–119. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975510389726>

Bottero W., Irwin S. Locating Difference: Class, 'Race' and Gender, and the Shaping of Social Inequalities // Sociological review. 2003. Vol. 51. № 4. P. 463–567. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2003.00431.x>

Bottero W. Who Do You Think They Were? How Family Historians Make Sense of Social Position and Inequality in the Past // British Journal of Sociology. 2012. Vol. 63. № 1. P. 54–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2011.01393.x>

Bourdieu P., Accardo A., Ferguson P. The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1999.

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 2003.

Veenhoven R. Sociological Theories of Subjective Well-Being // The Science of Subjective Well-being: A tribute to Ed Diener / Ed. by M. Eid, R. Larsen. NY: Guilford Publications, 2008. P. 44–61.

Walker Ch. Stability and Precarity in the Lives and Narratives of Working-Class Men in Putin's Russia // Social Alternatives. 2015. Vol. 34. № 4.

Дата поступления: 16.04.2020

“A Sense of Inequality”: What Does the Subjective Inequality Mean and How to Study It

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.5

Elizaveta Polukhina

Polukhina Elizaveta – Candidate of Sociology, Associate professor, HSE University, epolukhina@hse.ru.

This book review considers “A Sense of Inequality” by Wendy Bottero. The author is a Reader in Sociology at the University of Manchester (UK).

Wendy Bottero inspires us to look broadly at the phenomenon of inequality through the social mechanisms of obligations and restrictions bounding individuals on a daily basis. At the same time, the author suggests a broader understanding of inequality and insists on “a methodological localism”, i.e. the importance of studying local inequalities, which individuals experience in their milieus (subjective inequality or a sense of inequality). She argues that people tend to be more aware of “local” inequality in their daily lives. Individuals have a restricted vision of objective inequality. According to Bottero, objective inequality does not necessarily lead to social discontent or protest. And data of mass quantitative surveys give us an abstract understanding of a sense of inequality. Individuals’ perceptions of inequality are formed by institutional regimes, political debates and discussions in the media. Therefore, the key concept of this book is “subjective inequality” – a specific feeling of individuals arising through a variety of unequal social relations, entailed subordination, unequal opportunities and statuses.

This book gives us an understanding of how to be more reflective of everyday inequalities. This work will be especially of great value for social researchers because it offers a critically revised theoretical frame and solid methodological basis for studying subjective inequalities. The book reveals the mechanics of the key global social phenomenon — inequality and discovers the opportunities for studying it on the level of individuals.

Keywords: sense of inequality; local inequality; subjective inequality; social hierarchies; social relation; methodological localism

References

Bottero W., Crossley N. (2011) Worlds, Fields and Networks: Becker, Bourdieu and the Structures of Social Relations. *Cultural Sociology*. Vol. 5. No. 1. P. 99–119. DOI: <https://doi.org/10.1177/1749975510389726>

Bottero W., Irwin S. (2003) Locating Difference: Class, 'Race' and Gender, and the Shaping of Social Inequalities. *Sociological review*. Vol. 51. No. 4. P. 463–567. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2003.00431.x>

Bottero W. (2012) Who Do You Think They Were? How Family Historians Make Sense of Social Position and Inequality in the Past. *British Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 1. P. 54–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2011.01393.x>

Bourdieu P., Accardo A., Ferguson P. (1999) *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.

Hochschild A. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.

Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. M.: Ad Marginem. (In Russ.)

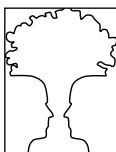
Semenova V.V., Chernysh M. F., Sushko P. E. (eds) (2019) *Social'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchetsya obshchestve: ob"ektivnye i sub"ektivnye aspekty* [Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects]. M.: FNISC RAN. (In Russ.)

Simonova O. A. (2013) Emocional'nyj trud v sovremennom obshchestve: nauchnye diskussii i dal'nejshaya konceptualizaciya idej A. R. Hohshil'd [Emotional Labor in Modern Society: Rethinking and Conceptualizing Ideas of A. R. Hochschild]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 11. No. 3. P. 339–354. (In Russ.)

Veenhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-Being / In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-being: A tribute to Ed Diener*. NY: Guilford Publications. P. 44–61.

Walker Ch. (2015) Stability and Precarity in the Lives and Narratives of Working-Class Men in Putin's Russia. *Social Alternatives*. Vol. 34. No. 4.

Received: 16.04.2020

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2020. Том 12. № 2

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com